В. Н. Крачковскій

СТИХОТВОРЕНІЯ

В. Н. Крачковскій

СТИХОТВОРЕНІЯ

СПБ.—1913.

4413

ВЕСНОЮ

Какъ небо торжественно-сине!
Какъ воды побѣдно шумятъ!
Высóко въ небесной лазури
Весенніе гости летятъ...

Привѣтствую крикъ ихъ призывный;
Онъ къ счастію душу зоветъ;
И рвется душа вмѣстѣ съ ними
Свершить ихъ завидный полетъ...

„Есть счастье, есть счастье подъ солнцемъ!“ —
Мнѣ вѣстники счастья кричатъ:
„Смотри, какъ торжественно небо,
„Какъ воды побѣдно шумятъ!..

„Есть счастье, есть счастье подъ солнцемъ!
„Такъ было и будетъ вовѣкъ:
„Есть счастье подъ солнцемъ повсюду,
„Несчастенъ лишь ты, человѣкъ!“

КЪ МОРЮ

Исполненный тревоги и печали,
Я предъ тобой стоялъ въ прощальный часъ.
Моя мечта унылая неслась
Въ просторъ твоей волнующейся дали,
И въ усыпленьи чувствъ, желаній, думъ
Внималъ я твой тысячегласный шумъ.

И грозныхъ звуковъ тайное значенье
Я изучалъ. Что было въ шумѣ томъ?
О чемъ вѣщалъ вечерній ревъ и громъ?..
То гнѣвъ ли былъ, угроза, сожалѣнье,
О невозможномъ плачъ?.. Но кто постигъ,
О, море, твой торжественный языкъ?

И думалъ я: къ чему печаль моя?
Въ пучинѣ бурной клокъ шипящей пѣны,
Средь водяныхъ громадъ пузырь мгновенный,
Чего хочу, о чемъ волнуюсь я?
Предъ вѣчностью шумящей океана
Еще какой мечтой тревожусь странной?

Таинственною тучей омраченъ,
Окутанъ сѣрымъ пологомъ тумана,
За бездной водъ мятежныхъ океана
Свѣтлѣлъ холоднымъ свѣтомъ небосклонъ...
Гряды сѣдыхъ валовъ, бѣлѣя пѣной,
За другомъ другъ чредою неизмѣнной,
Какъ стадо львовъ, могучею толпой
Неслись, вздымая гривой водяной.

Но, встрѣченные каменной громадой,—
Разбитое, разсѣянное стадо,—
Въ смятенiи назадъ, наперерывъ,
Тѣснясь и шумъ побѣдный замѣнивъ
Тоски смертельной жалобой печальной,
Они стенали долго въ тишинѣ
У ногъ моихъ и, умирая, мнѣ
Шепнуть привѣтъ спѣшили свой прощальный.

Не разъ, когда среди людей
Брожу я, въ горести моей
Рѣчей не слыша ихъ,
Весенній, яркій голосъ твой
Звучитъ внезапно, какъ живой,
Средь голосовъ чужихъ.
И, вздрогнувъ, я гляжу вокругъ;
Но, ахъ, невидима, мой другъ,
Ты для очей земныхъ!
Ужъ нѣтъ тебя, навѣки нѣтъ!
Какъ чистый херувимъ,
На мигъ ниспосланный на свѣтъ
Для краткихъ слезъ, для краткихъ бѣдъ
Создателемъ своимъ,
Ты промелькнула на землѣ
Со строгой думой на челѣ,
Съ улыбкою небесъ...
И ты исчезла для людей;
Лишь въ горестной душѣ моей
Твой образъ не исчезъ.

И вѣрю я, что нынѣ ты
Меня съ небесной высоты
Зовешь, къ себѣ маня.
О, буду, буду, ангелъ мой;
Приду къ тебѣ, навѣки твой!
Люби и жди меня!

—•⊳—⊲•—

ПѢСНЬ СОЛОВЬЯ

Люблю,
Люблю,
Ахъ,
Безгранично!..
И жизнь
И міръ
Люблю
Весь
Безконечный...
Люблю,
Люблю!..
И вы
Любите
Тоже!
Но полно,
Но полно:
Радость
Такая

Вамъ доступна ль?
Нѣтъ, нѣтъ!
Никогда!
Увы!
Бѣдные вы, бѣдные вы!
Люблю,
Люблю,
Ахъ,
Безгранично...

и т. д.

КЪ ⁂

Пусть время разлучило насъ, но, вѣрь,
Судьба сведетъ насъ вскорѣ;
Пусть слезы безотрадныя теперь
Блестятъ въ прекрасномъ взорѣ...

О, милая, за рядомъ мрачныхъ дней
Лучъ солнца свѣтитъ ярче,
За днями горя радость тѣмъ живѣй,
И поцѣлуй—тѣмъ жарче.

У МОРЯ

(Стансы)

О, гдѣ ты, гдѣ, мой нѣжный другъ, теперь,
Когда, съ самими небесами въ спорѣ,
Къ нимъ устремясь, какъ разъяренный звѣрь,
Волнуется бушующее море
У ногъ моихъ?..

Вонъ та стоитъ завѣтная скала!
Тутъ беззаботно морю мы внимали,
И о любви намъ пѣснь его была,
И волны въ снѣ торжественномъ сверкали
У этихъ береговъ...

Теперь гдѣ ты? И встрѣтимся ль съ тобой?
Моей свершиться ль сладостной надеждѣ?
Узрю ль тебя, услышу ль голосъ твой?
И море будетъ ли шумѣть, какъ прежде,
У нашихъ ногъ?..

Валы сѣдые, о сѣдой гранитъ
Въ прахъ разбиваясь, мчатся на просторѣ...
Тоскою тайной пѣсня ихъ звучитъ...
То не о насъ ли, другъ мой, плачетъ море
У этихъ береговъ?..

Головку опустивши, съ тайной думой
Ты смотришь тихо въ голубую даль.
Чело твое нахмурилось угрюмо.
    О чемъ, скажи, твоя печаль?

Семьею рѣзвою, пересѣкая
Небесъ неизмѣримый океанъ,
Спѣша, тѣснясь, другъ друга обгоняя,
    Несется тучекъ караванъ.

И такъ уходитъ все, какъ тучки эти,
Уносится, какъ вѣтромъ легкій дымъ...
И мы съ тобой не промелькнемъ ли въ свѣтѣ
    Подобно тучкамъ голубымъ?

Моя отчизна, край суровый!
Я полонъ мыслью о тебѣ...
Къ твоей таинственной судьбѣ
Міръ нынѣ обращенъ въ надеждѣ новой;
Невѣдомой зарей озарена,
Ты трепетомъ грядущаго полна...

И я тревогой омраченъ печальной:
Мнѣ ль загорятся славы дальной
Лучи? Меня ль твое застигнетъ торжество?
И новыхъ я вкушу ль очарованій?
Иль, не увидѣвъ солнца твоего,
Уйду, не пробудясь душой, пришелецъ ранній?

Мнѣ снилось что-то, полное печали;
Проснувшись, умереть бы я хотѣлъ;
Но разсказать удастся мнѣ едва-ли...
У волнъ померкшихъ съ вами я сидѣлъ...
Не съ вами, съ тѣнью блѣдной и туманной:
То были вы и будто бы не вы...
О, взоръ любимый, горестный, желанный!
Лобзанья томнаго забвеніе!.. Увы,
Зачѣмъ проснулся я?..

ЗАВѢЩАНІЕ

(Подражаніе арабскому)

Я умираю, я иду въ тотъ край,
Откуда нѣтъ ни для кого возврата...
Завѣту нынѣ моему внимай,
О, сынъ мой, и его исполни свято!
Жизнь—благо, нѣтъ которому цѣны,—
Сосудъ, врученный смертному Аллахомъ:
Нести съ благоговѣніемъ и страхомъ
Мы сей сосудъ божественный должны,
Чтобы принесть его къ Отцу вселенной...
О, не разбей, мой сынъ, сосудъ священный!
Мы ищемъ счастья—счастье въ насъ самихъ:
Люби людей, какъ братіевъ своихъ;
Души твоей да не коснется злоба;
Какъ язва, чуждъ ея да будетъ гнѣвъ!
Бѣги враговъ! Отваженъ будь, какъ левъ,
Какъ голубь—кротокъ! Сохрани до гроба
Друзей! Щади животныхъ, слугъ, дѣтей
И женщинъ! Будь заступникомъ тѣхъ многихъ,

Судьбой гонимыхъ, немощныхъ, убогихъ,
Кто въ жизни насъ несчастнѣй и слабѣй!
Не обольщайся славою мірскою!
Будь тѣломъ бодръ и радостенъ душою!
Возставъ отъ сна, молись, едва глаза
Твои увидятъ свѣтъ, и, умирая,
Гляди, какъ я, съ надеждой въ небеса,
Что встрѣтитъ тамъ насъ жизнь иная!..

Я вышелъ къ морю.
Вставало солнце...
Снопъ золотой,
Чуть обжигая
Верхушки волнъ
Холодныхъ, синихъ,
По нимъ скользилъ
Отъ горизонта
До ногъ моихъ...
Вверху, высоко
Надъ головой
Виднѣлся мѣсяцъ;
Ужасенъ ликъ
Былъ помертвѣвшій.
Небесный сводъ
Такъ ровенъ былъ,
Такъ нѣженъ, чистъ,
Такъ безконеченъ!..
Одна, сейчасъ,
Въ огнѣ зари
Звѣзда мерцала—

И нѣтъ ея ужъ!
Прости, златая!
Приду я завтра
Сюда опять—
Тебя увидѣть
И вновь „прости“
Тебѣ послать.

ГРОЗА ЛѢТОМЪ

Громъ прокатился, небесный гнѣвъ!..
Замерло все, вдругъ присмирѣвъ...
Туча закрыла небо кругомъ,
Грозно нависла... Пахнетъ дождемъ.
Молнія больно рѣзнула глаза.
Вихрь закружилъ... Будетъ гроза!
Радостно въ высь устремляется взоръ...
Духъ окрыленъ, мчится въ просторъ...
Будто скатилось бремя заботъ,
Вольное въ сердцѣ веселье встаетъ.
Капля упала, еще и опять...
Хочется такъ подъ дождемъ и стоять.
Розъ и левкоевъ слышнѣй ароматъ,
Словно зовутъ навѣдаться въ садъ.
Молнія! Глухо вдали прогремѣвъ,
Громъ прокатился, небесный гнѣвъ!..

ЗИМА

Морозъ лихой, но что за день!
По снѣгу голубая тѣнь;
На солнцѣ, ослѣпляя взоръ,
Блеститъ серебряный коверъ
И миріадомъ искръ дрожитъ.
Снѣгъ подъ ногой скрипитъ, визжитъ.
Морозный воздухъ обостренъ,
И каждый звукъ имъ повторенъ
Такъ четко: колокольный звонъ,
Веселый пѣшеходовъ смѣхъ,
Саней съ бубенчиками бѣгъ...
На тверди блѣдно-голубой
Ужъ мѣсяцъ вонъ—надъ головой!..

ПРЕДВЕСЕННЕЕ

Безмолвенъ садъ. Вечерній мракъ
Прозрачной мглою напоенъ.
Тамъ, гдѣ луна должна взойти,
Уже свѣтлѣе небосклонъ.

Бѣгутъ ручьи, гремятъ ручьи
О возрожденьи, о веснѣ...
Съ недвижныхъ капаетъ вѣтвей
За каплей капля въ тишинѣ...

Какъ очарованный, бреду,
Какъ очарованный, стою,
Дыханье свѣжее весны
Душой восторженною пью...

Ни звука!.. Не превозмогла
Еще природа долгій сонъ,
Но ужъ паритъ весны крыло...
Вотъ верхъ деревьевъ озаренъ:

Встаетъ огромная луна,
Осеребрился мертвый садъ...
Ручьи гремятъ, ручьи гласятъ:
„Летитъ прекрасная весна!“

ВЕСНА

Весна, весна! Шумятъ потоки...
Такъ лучезарны небеса,
Такъ чистъ, такъ дивенъ цвѣтъ глубокій,
Какъ будто новая краса
Положена на сводъ небесный
Весенней кистію чудесной.
Глушатъ пернатыхъ голоса,
Ожившихъ, блещущихъ крылами,
Какъ чистымъ золотомъ, въ лучахъ...
Набухли почки на вѣтвяхъ—
Вотъ, вотъ распустятся листами
И благовонными цвѣтами.
На кровляхъ бриллiантовъ рядъ.
Блуждая, радуется взглядъ
Воскреснувшей природѣ... Въ поле
Иду. Здѣсь радостнѣй на волѣ;
Примѣты первыя весны
Вокругъ чарующе ясны.
Земли разрыхленныя кочки
Черны, свѣжи... На небѣ—точки:

Сплошная жаворонковъ сѣть.
Травой первоначальной, нѣжной
Лугъ начинаетъ зеленѣть.
А вотъ и первый цвѣтъ подснѣжный!
Пускай ты скроменъ и убогъ,
Весны вернувшейся залогъ,
Но милъ душѣ ты несказанно
Тѣмъ, что восходишь первый ты,
Гонецъ прелестной красоты,
Невиннѣйшей, благоуханной;
Прервать мнѣ жалко жизнь твою,
Но хочется унесть съ собою,
И въ нерѣшимости стою,
Цвѣтокъ, склонившись надъ тобою.

—•—

ВЪ ПОЛДЕНЬ ВЪ ЛѢСУ

Лѣсная глушь... Зеленый свѣтъ...
Чуть синева видна...
Вкругъ существа живого нѣтъ—
Какъ въ храмѣ, тишина.

Волною вѣтеръ пробѣжитъ
Вверху между вѣтвей,
И все заходитъ, зашумитъ
Надъ головой моей.

Лежу. Нѣтъ мысли ни одной,
Какъ въ яркой выси—тучъ.
Отрадно взоръ закрытый мой
Ласкаетъ солнца лучъ...

Ахъ, безъ конца хотѣлъ бы я
Такъ отдыхать душой,
Сможивъ глаза, внѣ бытія,
Въ дремотѣ золотой...

ОДУВАНЧИКЪ

Одуванчикъ бѣлый, свѣжій, серебристый,
Окропленъ росою золотою, чистой!
Какъ хорошъ ты, нѣжный, въ солнцѣ, бѣло-
снѣжный!
Но настанетъ время хмурое, дохнетъ
Вѣтеръ и блестящій пухъ твой унесетъ.

Въ юности твои такъ искрятся мечтанья,
Серебрятся въ блескѣ перваго сіянья
Радостно-прекраснымъ утромъ жизни яснымъ...
Но настанетъ время хмурое, дохнетъ
Буря и волшебный цвѣтъ твой унесетъ.

За ночь все утихло, все угомонилось,
Буря прочь умчалась, вѣтры улеглись.
Ранняго восхода лучъ янтарно-алый
Залилъ-окровавилъ за окномъ карнизъ.
Птица какъ щебечетъ у окна, трепещетъ:
Не волна ли плещетъ, спать мнѣ не даетъ?
Чѣмъ лежать напрасно, лучше рано встану—
На чудесный гляну парчевой восходъ.
Вотъ мой садъ росистый, утренне-тѣнистый,
Частью золотистый! Птицы на кустахъ,
Межъ цвѣтовъ на грядкахъ, тамъ, гдѣ солнце, всюду;
Небо изумруду равно въ жемчугахъ.
Что-то тамъ, бѣлѣя, въ уголкѣ укромномъ,
Подъ орѣхомъ темнымъ на скамьѣ блеститъ?
Книга неужели мною позабыта?
Какъ была, раскрыта... Вѣтеръ шевелитъ,
Но поднять не можетъ влажную страницу,
Яростно трудится, злобно теребитъ...
Ахъ, то о Ромео повѣсть и Джульеттѣ,
„Повѣсть, коей въ свѣтѣ не было грустнѣй“!

Бѣдная Джульетта, милая Джульетта!
Вымыселъ поэта—жизни ты живѣй!
Ужъ не самъ ли, полно, плакалъ я въ темницѣ
Надъ ея гробницей, гдѣ спала она,
Холодна, прекрасна, мраморна, безгласна,
Но съ улыбкой ясной, вся—мечты полна
О блаженствѣ жданномъ, коего для смертныхъ
И самихъ безсмертныхъ радостнѣе нѣтъ.
Не создалъ Создатель ничего прелестнѣй,
Самъ не спѣлъ ты пѣсней лучшихъ о, поэтъ!..
Въ думѣ засидѣлся я надъ книгой этой...
Золотого свѣта лучъ ко мнѣ проникъ
И обнялъ, какъ будто мнѣ шепнуть хотѣлъ онъ:
„Какъ ни дивно пѣлъ онъ, какъ онъ ни великъ,
„Полюбуйся міромъ, полюбуйся мною,
„Золотой красою: это лучше книгъ."

Я не люблю луны—той маски снѣжной,
Со ртомъ искривленнымъ глядящей съ высоты;
Но тонкій серпъ, серебряный и нѣжный,
Тревожитъ тихія мечты...

НОЧЬ ВЪ ІЮЛѢ

Свѣтло, какъ днемъ. Отчетливо легли
Отъ крыши, отъ трубы на землю тѣни.
Надъ озеромъ, увлажены туманомъ,
Какъ серебро блестятъ моста перила.
Такъ ярко средь аллеи, что отсюда
Увидѣть можешь выползшую жабу,
Свой выпуклый уставившую взоръ.
А вверхъ взгляни: какой просторъ волшебный!..
Царитъ тамъ властно полная луна;
Воздушною, прозрачною стезею
Пустынная, холодная скользитъ;
А звѣзды вкругъ безсонныя мигаютъ,
На насъ съ тобой хрустальный свѣтъ лія...
Привѣтъ нашъ вамъ, небесныя жилицы!
Пошлите въ сердце намъ вашъ звѣздный миръ,
Чтобъ къ вашему небесному блаженству
Хотя на мигъ душою намъ прильнуть!..

День встаетъ. Какъ пышно разгорѣлся
Сводъ небесъ!
Выхожу. Покрыты мглою бѣлой
Садъ и лѣсъ.
Тишина! Чу, перепела звонкій
Въ полѣ крикъ!
Небо ярче! Скоро, скоро глянетъ
Алый ликъ.
Золотая тучка прямо къ солнцу
Держитъ путь.
Серебристый серпъ на небѣ чистомъ
Виденъ чуть.
Въ памяти твой образъ ненаглядный
Вдругъ воскресъ:
На устахъ улыбка, а во взорѣ
Свѣтъ небесъ...

Когда суровъ не въ мѣру жизни гнетъ,
И въ сердцѣ безнадежное терзанье,
Не знаю, отчего, тогда встаетъ
Одно все то жъ въ душѣ воспоминанье:

Угаснулъ вечеръ. Мы съ тобой—вдвоемъ,
Торжественно-недвижны и печальны...
Серебряная лента за весломъ
Струится на поверхности зеркальной...

Ты вверхъ, закинувъ голову, глядишь...
„Какъ много звѣздъ сегодня!"—говоришь:
„Вонъ—Малая Медвѣдица, Большая,
„Полярная звѣзда, а та—какая?.."

И тихо въ бездну оба мы глядимъ
И... въ вѣчность лучезарную летимъ...

НА УЛИЦѢ

Со мною скучный господинъ
Бесѣдовалъ одинъ,
Мнѣ брызгая въ лицо слюною...
Какъ вдругъ передо мной прошла, блистая, ты,
О комъ мои смятенныя мечты...
Но не послѣдовалъ, какъ тѣнь, я за тобою,
А, трепеща, обвѣянъ будто сномъ,
Стоялъ передъ слюнявымъ болтуномъ.

Въ небесахъ
Темь и страхъ,
Гнѣва потаенный
Блескъ и жаръ,
И ударъ
Глухо-отдаленный...
Я въ саду
Чуть иду,
Словно заблудился.
Громъ впервой
Надъ главой
Грозно прокатился...
Хорошо!..
Вотъ ужо
Грудью облегченной
Садъ вздохнетъ,
Расцвѣтетъ,
Бурей окропленный.
Благодать—
Завтра встать,
Выйти рано, рано—
На зарѣ...

Въ серебрѣ
Будетъ садъ туманный;
Все—въ росѣ,
Все—въ красѣ
Дивной, несказанной.
Сводъ небесъ
Полнъ чудесъ
Золото-убранныхъ:
Замковъ, птицъ,
Колесницъ,
Солнце-осіянныхъ...
Въ садъ войду—
И пойду...
Явь ли или греза?
Вся—свѣжа,
Вся—дрожа—
Парчевая роза.
Тамъ—тюльпанъ,
Самъ багрянъ,
Раззолоченъ утромъ.
И листы
И кусты
Блещутъ перламутромъ.
Пробужденъ,
Оживленъ
Птицъ неугомонный
Рой лихой.
Вотъ сухой,
Цвѣтомъ опыленный
Мотылекъ!
Гдѣ онъ могъ
Этой ночью скрыться:
Подъ кустомъ

Въ ливнѣ томъ
Какъ не замочиться?
Сѣлъ и пьетъ
Влагу сотъ,
Замеръ, чуть трепещетъ...
Разведетъ,
Вновь сведетъ
Крылья, въ солнцѣ блещетъ...
Надъ собой
Въ голубой
Сводъ взгляну нежданно:
Чистота
Какъ свята!..
Въ сини океана
Облаковъ
Жемчуговъ
Ожерелье таетъ;
Не спѣшатъ,
Не стоятъ—
Еле замѣчаетъ
Взоръ ихъ ходъ;
Вотъ плыветъ
Дивная громада
Поскорѣй,
Словно ей
Торопиться надо...
Ясенъ міръ.
Утра пиръ
Все живѣй, шумнѣе,
И лучей
Сквозь вѣтвей
Сѣть все горячѣе.

ВЪ ІЮЛѢ

Какъ хорошъ сегодня вечеръ!
Какъ прозрачны, какъ нѣжны
Блѣдно-палевое небо,
Рогъ серебряный луны!

Золотыя загорѣлись
Искры, вспыхнувъ въ вышинѣ...
За макушками нѣмыми
Даль небесъ еще въ огнѣ.

Съ обнаженной головою
Обхожу вечерній садъ.
Тѣни липъ каймою блѣдной
Въ свѣтѣ мѣсяца лежатъ.

Чу, унылый надъ водою
Стонъ лягушачій стоитъ!..
О лицо мое ударясь,
Жукъ задумчиво гудитъ...

Ахъ, всю ночь не уходилъ бы;
Кинуть жаль неясный бредъ;
Отъ гармоніи волшебной
Оторваться силы нѣтъ...

На полянѣ лѣсной,
Убѣленной луной,
Будто выпавшимъ снѣгомъ, стою я...
Взоры звѣздъ надо мной;
Вѣетъ небо весной;
Ей и радуюсь я, и грущу я...

Возрождаются вновь
Шорохъ, трепетъ, любовь,
Вѣчно-юные вздохи и слезы...
Скоро гимны любви
Будутъ пѣть соловьи,
Призывая забытыя грезы...

Какъ всегда, въ свой чередъ,
Радость къ людямъ сойдетъ;
Зашумятъ и запѣнятся воды...
И воздушной семьей
Эльфовъ радостныхъ рой
Закружитъ при лунѣ хороводы...

То же все, что ни годъ...
Только я ужъ не тотъ,
Что съ весною былъ счастливъ когда то:
Охладѣли мечты,
Помертвѣли цвѣты,
Сердце смертною скорбью объято.

Вчера не спалось долго мнѣ.
Такъ было душно и тоскливо!..
И вотъ въ глубокой тишинѣ
Громъ прозвучалъ, сперва лѣниво
И глухо, грозно подъ конецъ...
Отозвалося дребезжаньемъ
Окно... Съ протяжнымъ завываньемъ
Понесся вихрь, грозы гонецъ.
Мгновеннымъ озарясь сіяньемъ,
Разверзлись будто небеса—
Струи прекрасной полоса
Успѣла мнѣ метнуться въ очи
И сгинула во мракѣ ночи;
Ударомъ страшнымъ грянулъ громъ,
Катясь надъ самой головою,
И гдѣ-то замеръ за землею...
Предъ распахнувшимся окномъ
Я сѣлъ и пилъ грозы дыханье...
Какъ тихо!.. Въ сердцѣ ожиданье:
Не смерти ль время снизойти
Ко мнѣ съ зигзагомъ этимъ яснымъ,
Духъ озарить и унести,
А тѣло сжечь лобзаньемъ страстнымъ?

ЗВѢЗДЫ

Звѣзды высокія, звѣзды спокойныя,
Вѣчности очи нѣмыя!
Къ вамъ устремляются, васъ недостойныя,
Съ грустію очи людскія.

Что тамъ въ селеніяхъ вашихъ свершается,
Свѣтлаго полныхъ сіянія?
Участь ли смертнаго вами рѣшается,
Смертнаго, сына страданія?

Или вамъ смертнаго чужды страданія,
Чужды о немъ попеченья,
И оттого-то такъ полны сіянія
Ваши, о, звѣзды, селенья!

Я иду въ серебряномъ туманѣ.
Мѣрной плещутъ волны чередой.
Золотою лентой обозначилъ
Мѣсяцъ въ морѣ слѣдъ дрожащій свой...

Сжато сердце грустію щемящей,
Тайные волнуютъ вздохи грудь.
Съ этой мглой серебряною слиться бъ,
Въ этой безднѣ свѣтлой потонуть!

Нѣтъ надеждъ, и умерли желанья!..
О, скорѣй бы вожделѣнный брегъ!
Тамъ ладью печальную покинешь,
Тамъ, усталый, отдохнешь навѣкъ...

Я иду въ серебряномъ туманѣ.
Мѣрной плещутъ волны чередой.
Золотою лентой обозначилъ
Мѣсяцъ въ морѣ путь волшебный свой...

ТЕЛЕГРАФНЫЙ СТОЛБЪ ВЪ ПОЛѢ

Столбъ придорожный
Съ сѣтью стальной,
Жизни тревожной
Отзвукъ глухой!

Какъ надъ могилой,
Въ степи пустой
Плачетъ унылый
Звукъ надо мной...

Гдѣ-то бушуетъ
Жизни прибой,
Здѣсь же тоскуетъ,
Словно живой

Къ жизни далекой
Рвется душой,
Столбъ одинокій
Съ сѣтью стальной.

МОЛИТВА ГОСПОДНЯ

Отче нашъ Предвѣчный!
Имя Твое вѣчно
Да святится въ насъ!

Да придетъ желанный
Въ міръ, обѣтованный
Избавленья часъ!

О, Царю вселенной!
Воли сокровенной
Намъ открой пути!

Даждь намъ насыщенья!
Злобу, прегрѣшенья
Наши отпусти,

Отжени сомнѣнья
И отъ искушенья
Духа защити!

ОПЫТЪ ОКОНЧАНІЯ „РУСАЛКИ“ ПУШКИНА

(Сцена шестая

Берегъ

КНЯЗЬ

Невольно къ этимъ грустнымъ берегамъ
Меня влечетъ невѣдомая сила.
Все здѣсь напоминаетъ мнѣ былое
И вольной, красной юности моей
Любимую, хоть горестную повѣсть.
Здѣсь нѣкогда любовь меня встрѣчала,
Свободнаго—свободная любовь.
Я счастливъ былъ!.. Безумецъ! и я могъ
Такъ вѣтренно отъ счастья отказаться!..
Печальныя, печальныя мечты
Вчерашняя мнѣ встрѣча оживила.
Отецъ несчастный! Какъ ужасенъ онъ!
Авось, опять его сегодня встрѣчу,

И согласится онъ оставить лѣсъ
И къ намъ переселиться...

(Русалочка выходитъ на берегъ)

Что я вижу?
Откуда ты, прелестное дитя?)

РУСАЛОЧКА (кланяясь въ поясъ).

Отъ матери моей—къ тебѣ съ поклономъ,
Со дна рѣчного.

КНЯЗЬ

Боже милосердый!..

РУСАЛОЧКА

Я—дочь твоя; все мать сказала мнѣ;
Не разъ, когда, охотою наскучивъ,
Ты приходилъ сюда, какъ вотъ теперь,
Дневною ли порой, иль въ часъ вечерній,
Когда темно у насъ, а въ небѣ звѣзды,
Какъ свѣтляки на муравѣ, зажгутся,
И мѣсяцъ золотой надъ лѣсомъ встанетъ,
Мы съ ней, въ травѣ прибрежной притаясь,
Взирали на тебя; о чемъ ты думалъ,
Невѣдомо, но былъ ты такъ печаленъ!..
Зачѣмъ, отецъ, ты мать мою покинулъ?
Все ждетъ-пождетъ тебя она, тоскуя...
Чай, стосковался ты по ней и самъ:
Не то—къ чему ходить на берегъ этотъ
Тебѣ, что день, да на воду глядѣть?
Вели, тотчасъ тебя сведу я къ намъ.
Дворецъ увидишь, твоего чудеснѣй.
Какъ хорошо тамъ, вольно!.. Ужъ какихъ
Диковинъ нѣтъ въ подводномъ царствѣ нашемъ!

Цвѣтовъ нарву, красивѣе земныхъ.
Дѣдъ водяной కораlловъ, жемчуговъ
Изъ моря нанесетъ намъ, пучеглазый.
Безъ счету рыбокъ золотыхъ у насъ.
Средь зелени, на мягкомъ днѣ такъ славно!..
А мама то обрадуется какъ
Тебѣ! Ужо до смерти зацѣлуетъ!
Идемъ, отецъ! Не бойся! Дай мнѣ руку!

КНЯЗЬ

Идемъ, дитя!

(Слѣдуетъ за русалочкой... Скрываются подъ водой)

Сцена седьмая

Тамъ же

ОХОТНИКИ

1-й ОХОТНИКЪ

Куда дѣвался онъ? Вотъ слѣдъ его,
Обратнаго жъ не видно! Что за диво?
Не водяному ль онъ попался, братцы?

2-й ОХОТНИКЪ

И то: не даромъ все его тянуло
Къ водѣ. Чуть на охоту, глядь, ужъ тутъ;
А намъ приказываетъ далѣ ѣхать:
Остаться съ чертомъ, молъ, одинъ хочу...

(Въѣзжаетъ верхомъ ловчій. Въ рукахъ у него шапка князя. Съ нея струится вода)

ЛОВЧІЙ

Князь утонулъ! Глядите, что нашелъ я!

ОХОТНИКИ

(обступая ловчаго)

То—шапка княжеская! Съ нами крестъ!

ЛОВЧІЙ

Посереди рѣки она неслася...
Съ собою порѣшилъ, несчастный, видно.
Пусть въ теремъ скачетъ кто-нибудь скорѣй,
А мы искать давай!

(Выходитъ изъ лѣсу мельникъ)

МЕЛЬНИКЪ

А, лиходѣи!
Добро пожаловать! Поймать хотите
Вы Ворона, да въ клѣтку посадить,
Да шею перегрызть ему, да кровь
По каплѣ выпить изъ него живую!
Прочь, душегубы!

1-Й ОХОТНИКЪ

Ба, старикъ безумный!
Не ты ли князя нашего пихнулъ
Въ рѣку за то, что дочь твою сгубилъ онъ?
Связать его, ребята, да туда же!..
Довольно каркать и махать руками,
Довольно, старый хрычъ, людей пугать!

(Охотники связываютъ мельника и бросаютъ его въ рѣку. Отъѣзжаютъ)

КОНЕЦЪ

Переводы

Байронъ

Еврейскія мелодіи

1

О, ЕСЛИ...

О, если тамъ, въ странѣ безвѣстной,
Смерть побѣдивъ, встрѣчаетъ насъ
Любовь, и живъ тотъ ликъ прелестный,
И блескъ очей тѣхъ не погасъ!..

Тогда желанна безконечность;
Легко отъ міра улетѣть,
Уйти въ твое сіянье, Вѣчность;
Тогда отрадно умереть.

Не за себя мы лишь дрожимъ
Предъ смертью, бездны убѣгая
И къ цѣпи рвущейся съ тоскою припадая!..

О, если бъ съ сердцемъ дорогимъ
Тѣмъ міромъ вмѣстѣ наслаждаться,—
О, если бы душѣ съ душой не разлучаться!

2

Ты плакала—прозрачная слеза
Затмила дивные глаза,
И будто капля дождевая
    Повиснула, сверкая.
Ты улыбалась—лучъ сапфира ясный
    Гасъ предъ улыбкою прекрасной.

Когда заходитъ солнце, тучъ края
    Оно волшебно освѣщаетъ,
И крылья черныя, что ночь распростираетъ,
Тотъ свѣтъ согнать жалѣютъ: такъ твоя
Улыбка въ грудь мою бросаетъ
Лучъ радости небесной—и ея
    На сердцѣ отблескъ долго тамъ сіяетъ.

3

САУЛЪ

„Самуила тѣнь достань
„Мнѣ изъ тьмы зловѣщей!“
—„Самуилъ, возстань, возстань!..
„Не робѣй, владыка! Глянь:
„Вотъ онъ, призракъ вѣщій!..“

Всколебалася земля—
Всталъ колоссъ подъ тучей!..
Свѣтъ златой померкнулъ дня.
Смерть!—то впадины ея!
Страшный и могучій,

Руку мертвую поднялъ;
Остовъ обнаженный
Ослѣпительно блисталъ;
И, какъ вѣтеръ, прозвучалъ
Голосъ заглушенный...

Царь воззрился—и упалъ,
Какъ грозой сраженный.

„Кто нарушилъ мой покой,
„Кто здѣсь гробы будитъ?
„Ты ль, Саулъ, передо мной?
„Завтра, знай же, путь земной
„Твой оконченъ будетъ!

„Внемли: солнце не зайдетъ,
„Завтра же, несчастный,
„Ты умрешь, твой сынъ умретъ;
„На главу твою падетъ
„Твой же мечъ безсчастный...

„Сгинешь ты, и весь твой родъ
„Пропадетъ злосчастный!“

4

ВИДѢНІЕ ВАЛЬТАСАРА

На тронѣ сидѣлъ онъ, блистательный богъ.
Сатраповъ толпа наполняла чертогъ;
Высокіе своды сіяли
При трепетномъ свѣтѣ несчетныхъ огней;
Въ сосуды, что пламенный чтитъ Іудей,
Вино нечестивцы вливали,
И наземь бросали они ихъ потомъ...
И полонъ безумья былъ царственный домъ.

И вотъ—на стѣнѣ появилась Рука.
Какъ тростью на зыби сыпучей песка,
Она, пробѣжавъ, начертала
Зловѣщіе знаки огнемъ... Задрожалъ
Могучій властитель—и сумраченъ сталъ...
Рука поднялась и упала...
На чудо испуганный взоръ устремленъ...
И голосомъ дрогнувшимъ вымолвилъ онъ:

„Науки преславныхъ зовите мужей,
„Мудрѣйшихъ въ странѣ призовите скорѣй,
„Слова тѣ пускай прочитаютъ!“...
Халдейскихъ ученость головъ велика,
Но вѣщая имъ непонятна строка;
Невѣдомой буквы блистаютъ
Угрозою... Мудрости полнъ Вавилонъ—
Предъ надписью чудной въ смятеніи онъ.

Лишь плѣнникъ, лишь юноша, чуждый въ странѣ,
Пришелъ, прочиталъ письмена на стѣнѣ,
Языкъ разгадалъ начертанья.
Предъ волей небесной онъ смѣло стоитъ
И волю небесную смѣло гласитъ
И смыслъ переводитъ вѣщанья.
Еще пламенѣло дворца торжество—
На утро слова оправдались его:

„Въ огнѣ Вавилонъ! Вальтасаровъ дворецъ
„Разрушенъ, а самъ онъ—могилы жилецъ.
„Сраженъ повелитель полъ-міра!
„Теперь онъ ничтожный, безжизненный прахъ...
„Руины дворца у него въ головахъ,
„И саваномъ стала порфира.
„Мидяне справляютъ надъ нимъ торжество,
„И Перса нога на престолѣ его“.

5
ИЗЪ ІОВА

Духъ предо мною прошелъ! Я узрѣлъ
Безсмертія обликъ неясный!
Очи стоявшихъ сонъ одолѣлъ,
Я лишь не спалъ и прямо глядѣлъ...
И Онъ мнѣ явился—Ужасный...
И холодъ наполнилъ мое существо,
Только лишь слово раздалось Его:

„Ктó, Богъ ли правѣе иль ты, человѣкъ?
„Ты вѣчнаго ль лучше Сіянья?
„Въ прахѣ вамъ, твари, ползать вашъ вѣкъ!
„Слѣпые кроты, для вашихъ ли вѣкъ
„Безсмертное солнце познанья?
„Презрѣнны, мгновенны вы; жизнь ваша — часъ;
„Червь долговѣчнѣй, ничтожные, васъ!“

Изъ

„Странствованій Чайльдъ-Гарольда“

1

ПРОЩАЛЬНАЯ ПѢСНЬ ЧАЙЛЬДЪ-ГАРОЛЬДА

Прости, о, родина, прости!
Во мглѣ сокройся голубой!
Вздыхайте, вѣтры, надо мной,
И, чайка дикая, грусти!
Корабль за солнцемъ мой летитъ,
А солнце за море спѣшитъ...
Прощай, и солнца лучъ, и край
Родимый мой, прощай, прощай!

Еще немного лишь часовъ—
И встрѣчу новый я восходъ;
Увижу озаренный сводъ,
Но не увижу береговъ
Отчизны. Что же! Опустѣлъ
Мой домъ. Каминъ осиротѣлъ.
Мохъ дикій на стѣнахъ растетъ.
Песъ вѣрный воетъ у воротъ.

Сюда, мой бѣдный пажъ, ко мнѣ!
Что вижу?—плачешь, словно, ты?

Боишься ль въ морѣ темноты?
Не довѣряешь ли волнѣ?
Иль грозныхъ испугался тучъ?
Не плачь! Исправенъ и могучъ
Корабль нашъ, смѣлый гость морей,—
Несется сокола быстрѣй.

„Пусть вѣтеръ свищетъ, пусть волна
„Взлетитъ къ небесной вышинѣ,
„Совсѣмъ, совсѣмъ не страшно мнѣ,
„Чайльдъ, господинъ мой! Но полна
„Душа моя тоски затѣмъ,
„Что бросилъ тѣхъ, любимъ я кѣмъ:
„Отца и мать оставилъ я;
„Они, да ты лишь у меня,

„Да Богъ! Отецъ благословилъ
„Меня, не сѣтуя, но мать
„Не перестанетъ горевать."
Довольно, пажъ! Ты умилилъ
Меня! Чиста твоя слеза!
О, если бы мои глаза
Не высохли совсѣмъ, повѣрь—
Заплакалъ бы и я теперь.

А ты, слуга мой, отчего,
Скажи, ужасно блѣденъ такъ?
Дрожишь ли волнъ, французъ ли врагъ
Страшитъ? „Не страшно мнѣ его,
„Сэръ Чайльдъ, — ни волнъ морскихъ. Не
трусъ

„Я! Не за жизнь свою боюсь.
„Жена осталась тамъ моя:
„Вотъ отчего, сэръ, блѣденъ я.

„Живетъ у замка твоего,
„У озера, семья моя.
„Какъ дѣти звать начнутъ меня,
„Не скажетъ мать имъ ничего:
„Прочь отойдя, заплачетъ лишь..."
Молчи! По праву ты скорбишь.
Но вѣтрена душа моя:
Со смѣхомъ уѣзжаю я.

Кто жъ вѣритъ женщины слезамъ
Обманчивымъ? Полюбитъ вновь—
Забыта старая любовь,
Какъ ни бывало слезъ... Къ бѣдамъ
И бурямъ мнѣ не привыкать;
Смерть никому не миновать;
Печаль моя же—вся о томъ,
Что нѣтъ печали ни о комъ...

Одинъ въ морскомъ безлюдьи я,
Среди бушующихъ пучинъ:
На сушѣ я равно одинъ.
О комъ же ныть, коль до меня
Нѣтъ въ мірѣ дѣла никому?
Песъ воетъ мой, пока ему
Не бросятъ кости; а вернусь—
Ему жъ на зубы попадусь.

Бѣги же, вольное судно,
По зыбкой влагѣ синихъ волнъ,
Лети, лети, мой скорый челнъ!
Куда бъ ни мчалъ, мнѣ все равно,
Лишь—не на родину мою.
Привѣтъ вамъ, волны, скалы, шлю,
Пещеры, дальніе края...
Прощай же, Англія моя!

2

КЪ ПАРНАСУ

Парнасъ, тебя я вижу, наконецъ,—
Не въ сновидѣньи вижу, не въ мечтахъ —
Серебряный твой вижу я вѣнецъ,
Блистающій въ прозрачныхъ небесахъ.

Дивиться ль, что хочу тебя воспѣть,
Мечтаю эхо пѣснею вспугнуть,
Хотя безсмертныхъ болѣе не зрѣть,
Хотя нѣма твоя, пустынна грудь.

Ахъ, какъ мечталъ я о тебѣ порой!
Кто имени не слышалъ твоего?
Надъ кѣмъ твое безсильно торжество?
Не почитаетъ кто поэзіи святой?

Но нѣмъ, увы, безсильный голосъ мой!
Безмолвный, отдаюсь тебѣ я въ плѣнъ.
Священная гора, передъ тобой
Нельзя мнѣ не склонить своихъ колѣнъ!

Не смѣю пѣть, испуганный пѣвецъ.
Подъ грозный твой гляжу лишь балдахинъ...
Лишь радуюсь, что здѣсь стою одинъ,
Горжусь, тебя узрѣвши, наконецъ.

О, сколь блаженнѣй многихъ я пѣвцовъ,
Прикованныхъ судьбой къ своей странѣ!
Такъ оставаться ль равнодушнымъ мнѣ,
Коль жребій мой счастливѣйшій таковъ?

Пустъ и заброшенъ Аполлоновъ гротъ,
Обитель музъ могилой стала ихъ,
Но свѣтлый духъ здѣсь все еще живетъ,
Вздыхаетъ съ вѣтеркомъ среди нѣмыхъ

Ущелій, легкою стопой скользитъ
По скаламъ, съ рѣзвымъ ручейкомъ гремитъ...

3
КЪ НАПОЛЕОНУ

Здѣсь палъ величайшій, хотя и не худшій изъ всѣхъ!
Противорѣчій исполненъ былъ духъ его странный.
Великій въ великомъ, онъ мелкихъ не чуждъ былъ
утѣхъ,
Крайній во всемъ, своенравный и непостоянный.
Если бъ умѣренъ былъ ты, сохранилъ бы ты тронъ,
Или тебѣ никогда не достался бы онъ.
Дерзость—причина успѣховъ твоихъ и паденья.
И нынѣ стараешься сѣять ты въ мірѣ волненья,
Хоть міръ, громовержецъ, и такъ ужъ тобою въ
конецъ потрясенъ.

Завоеватель вселенной, ты узникомъ сталъ!
Но предъ тобою земля, какъ и раньше, трепещетъ.
Гремитъ твоя слава, и имя, какъ молнія, блещетъ.
Ты страшенъ и нынѣ—титанъ, заключенный межъ
скалъ.
Ты славой мірскою взнесенъ былъ безмѣрно, над-
менный;

Себѣ самому не казался ли ты божествомъ?
Цари предъ тобою колѣна склоняли смиренно,
Умы уловлялись тобой, величайшимъ умомъ...
И вправду, какъ Богъ, овладѣть, не шутя, ты задумалъ вселенной.

Небу ль служилъ ты, иль адомъ подосланъ былъ къ намъ,
Вихремъ народы сметавшій, спасавшійся самъ,
По главамъ монарховъ всходя, то вдругъ уступая
Презрѣнно, царя, созидая и вновь разрушая, —
Повелѣвать не умѣлъ ты страстямъ лишь своимъ.
Читая въ чужихъ, своего не извѣдалъ ума ты.
Алчною жаждою крови и смерти объятый,
Звѣздою своей ослѣпленный, лишь вѣрилъ въ себя ты.
Плохо, орелъ, напослѣдокъ, ты видѣлъ сквозь счастія дымъ!..

Все же душа твоя вынесла твердо удары,
Съ гордостью, коей нельзя научиться вовѣкъ,
Коей отмѣченъ избранный судьбой человѣкъ.
И вотъ, лишь успѣха волшебныя рушились чары,
Презрѣнные, тѣсной они прибѣжали толпой
Крушенье великаго зрѣть. Но улыбкой нѣмой
Ты подлую встрѣтилъ ватагу. Спокойнымъ презрѣньемъ
Твоимъ уничтожилъ ты ихъ. Не сраженный паденьемъ,
Не побѣжденный бѣдою стоялъ передъ ними герой.

Мудрости большей несчастье тебя научило, чѣмъ
счастье.
Ожесточившись, ты людямъ умѣлъ показать
Презрѣнье, двуногихъ достойное, и безучастье.
Лишь тою улыбкой надменной злоупотреблять
Не долженъ былъ ты, безъ разбора. Какъ могъ
презирать
Орудіе ты, что дѣяньямъ великимъ служило
Твоимъ, пусть оно же тебя самого сокрушило?
Коль можно бы міромъ играть такъ, цѣны бъ ни-
какой
Въ немъ не было—понялъ ты это и тѣ, что по-
гибли съ тобой.

Презрѣнье такое тогда подобало бъ тебѣ,
Когда бы, какъ башня, стоялъ на скалѣ ты высоко,
Когда бы и высился ты и упалъ одиноко;
Но люди, умы ихъ, твоей помогали судьбѣ;
Любовь ихъ тебя вознесла, низвергла измѣна...
Лучше бы взялъ ты Филиппова сына въ примѣръ,
Чѣмъ голаго циника брать въ образецъ—Діогена—
И надъ людьми безъ зазрѣнья глумиться надменно!
Міръ, для тебя даже, слишкомъ обширная бочка,
повѣрь!

Но, какъ могила, спокойствіе духъ угнетаетъ
Живой—вотъ причина того, что погибъ ты, герой.
Мятежный въ груди человѣка огонь обитаетъ;
Необходимости плѣнъ разорвать роковой
Стремится онъ; разъ возгорѣвшись, погаснуть не
можетъ;

Питается самъ онъ собой. Онъ снѣдаетъ и гложетъ,
И жажду рождаетъ великихъ дѣяній. Покой
Невыносимъ для души, что въ огнѣ томъ сгораетъ.
То — лихорадки огонь: онъ жертву свою пожи-
раетъ.

Онъ-то, недугъ тотъ, безумцевъ родитъ вдохно-
венныхъ,
Что и другихъ заражаютъ безумьемъ своимъ:
Софистовъ, пророковъ, поэтовъ, деспотовъ над-
менныхъ,
Что въ душъ тайники проникаютъ и сердцемъ
людскимъ
Властвуютъ, сами жъ всемѣрно глупѣе бываютъ
Тѣхъ, одурачивъ кого, за собой увлекаютъ.
Завидуютъ всѣ имъ, но что ихъ за муки терзаютъ!
Не влекся бъ другой никогда къ превосходству
тому,
Когда бы въ тотъ пламенный адъ заглянуть уда-
лось лишь ему.

Волненьями дышатъ они, ураганомъ живутъ,
Уносятся крыльями вихря, пока не падутъ.
Стремленіемъ вѣчно влекомы какимъ-то безмѣр-
нымъ,
Подвиговъ ищутъ и шума и славы они—
И міръ исполняютъ смятеніемъ неимовѣрнымъ...
Если же въ сумеркахъ мирныхъ влекутся ихъ дни,
Бременемъ этотъ покой ихъ давитъ чрезмѣрнымъ,
И гаснутъ они, какъ огонь—если пищи лишенъ,
Въ ржавчинѣ гибнутъ, какъ мечъ — коль безъ
славы валяется онъ.

Кто на вершины взойдетъ высочайшія горъ,
Въ туманахъ и тучахъ того потеряется взоръ;
Тѣ, что людей покоряютъ, извѣдаютъ вскорѣ
Ихъ ненависть. Славы—высòко надъ ними звѣзда;
Внизу глубокò разстилаются земли и море;
Кругомъ же громады насупились грозныя льда,
И носятся вихри, и бури шумятъ на просторѣ...
И вотъ та награда, которая генія ждетъ,
Когда достигаетъ безстрашно онъ тѣхъ заповѣдныхъ высотъ.

4

Любовь, любовь, ты гостья на землѣ!
О, духъ невидимый, въ тебя мы вѣримъ свято;
Разбитыя сердца за то расплата.
Но ликъ твой скрытъ въ священной мглѣ,—
Никто не зрѣлъ его. Воображеньемъ
Ты сердца пламеннымъ сотворена,
Мечтою въ свѣтлую звѣзду превращена,
Чтобы душѣ, сжигаемой мученьемъ,
Обманутой, растерзанной, всегда
Прелестная сіяла та звѣзда.

Болѣетъ умъ, и міръ творитъ онъ свой,
И страстью лихорадочной пылаетъ
Къ созданіямъ своимъ. Гдѣ обитаетъ
Тотъ обликъ, о, скажите, неземной,
Что генія рѣзецъ воспроизводитъ?
Въ душѣ творца, а болѣе—нигдѣ.
Міръ лучезарный тотъ, тѣ чары гдѣ,
Что въ юности мы знали? Не находитъ
Ихъ зрѣлый умъ... Гдѣ рай недостижимый тотъ,
Что смертнаго языкъ не воспоетъ?..

Любовь—безумный, юношескій бредъ,
И пробужденье, ахъ, какъ горько и ужасно,
Когда туманъ, что облекалъ прекрасный
Кумиръ, разсѣется чрезъ много лѣтъ,
И мы тогда лишь видимъ ясно,
Что прелести въ немъ той небесной нѣтъ,
Расцвѣтшей въ нашемъ лишь воображеньи;
Но въ роковомъ, о, горе, заблужденьи
Мы остаемся и упрямо ждемъ,
Что на землѣ небесный кладъ найдемъ.

Ужъ въ ранней юности мы вянуть начинаемъ,
Мы тяжко дышимъ, мы больны, больны...
Желанья не утолены...
За призракомъ стремясь какимъ-то, изнываемъ...
На краѣ пропасти, въ послѣдній часъ, пришлецъ
Насъ дивный обольщаетъ...
Любви ль блаженство, славы ли вѣнецъ—
Все—то же, ту же власть имѣетъ и конецъ:
Манящимъ метеоромъ пролетаетъ.
Смерть—дымъ, въ которомъ пламя исчезаетъ.

5

УМИРАЮЩІЙ ГЛАДІАТОРЪ

И вижу я борца сраженнаго! Чело
На руку смертно-блѣдное легло,
За каплей капля, кровь сочится тяжело...
Черты суровыя покорны,
Въ очахъ полузакрытыхъ смерти мгла...
Арена поплыла—
Онъ умеръ, умеръ раньше, чѣмъ позорный
Толпы безчеловѣчной смолкнулъ шумъ...
Но гаснущій не тѣмъ былъ занятъ умъ:
Тамъ, далеко, у свѣтлыхъ водъ Дуная,
Его лачуга бѣдная стоитъ,
Рѣзвятся дѣти-дикари, играя,
А даціанка-мать съ улыбкою глядитъ...
А онъ...: насквозь пронзенный, онъ лежитъ,
Въ утѣху Риму кровью истекая...
Но къ небу кровь пролитая вопитъ
И судъ зоветъ надъ Римомъ развращеннымъ...
Возстань же, готъ! Несись потокомъ разъяреннымъ!..

6

ЛЕМАНЪ

(Вольный переводъ)

О, прозрачный, тихій Леманъ! Этотъ свѣтъ лазурный твой
Какъ съ огнемъ несходенъ страстнымъ, въ коемъ я живу, сгорая!
Ты забыть о водахъ мутныхъ приглашаешь жизни той
Для источниковъ чистѣйшихъ, безмятежность голубая
Ясныхъ струй. Спокойный парусъ, какъ нездѣшнее крыло,
Отъ тревогъ уноситъ духъ мой дальше, дальше все куда-то...
Моря гнѣвнаго мятежный ропотъ я любилъ когда-то...
Нынѣ шепчешь ты на ухо мнѣ такъ нѣжно, такъ свѣтло...
Не сестры ли голосъ слышу, укоряетъ не она ли,

Что отдалъ я жизнь на жертву наслажденьямъ и
печали?

Ночи мракъ спустился синій. Тѣнь смѣшалася со
свѣтомъ;
Но хрустально отдаленье: все отчетливо, свѣтло;
Юръ лишь алые уступы тонкой мглой заволокло.
Вечеръ полнъ весенней влаги, напоенъ весеннимъ
цвѣтомъ.
Капель звуки раздаются, ниспадающихъ съ весла.
Пѣснь свою трещитъ кузнечикъ звонкій. Ночь
нѣма, свѣтла.
Средь кустовъ порою птица всполохнется и умол-
кнетъ,
Звукъ неясный, говоръ дивный пронесется вдругъ
и смолкнетъ:
То не ночь ли съ выси звѣздной наземь слезы льетъ
любви?..
Не прибрежныя ли сонно плачутъ озера струи?..

Звѣзды, звѣзды золотыя! Къ вамъ душою улетая,
Мы мечтаемъ о величьи, покидая грань земли.
Къ вамъ хотимъ проникнуть, вашу книгу свѣтлую
читая,
Къ вамъ, небесныя, возносимъ мы моленія свои...
Ибо вы—краса и тайна, золотая, неземная.
Ваши нѣжныя зѣницы прочь съ земли манятъ туда...
Будитъ въ сердцѣ вѣчный трепетъ ваше вѣчное
мерцанье,
Думы чистыя питаетъ ваше чистое сіянье...
Взоры смертныхъ въ ваши сферы устремлялися
всегда.
Счастья, славы символъ стала ты, прекрасная звѣзда.

Тихо все, земля и небо! Спятъ серебряныя травы,
Міръ въ торжественномъ покоѣ, преданъ думѣ
неземной.
Тихо все, земля и небо! Отъ далекой звѣздной
славы
До уснувшихъ водъ — все тайной очаровано
одной...
Въ этотъ часъ душа несется въ золотую безко-
нечность,
Въ этотъ часъ, уединенный, самъ собою полонъ
духъ,
Въ этотъ часъ открыто небо, и близка, доступна
вѣчность,
И гармоніи небесной досягаетъ чуткій слухъ...
Въ этотъ часъ мы въ край нашъ Отчій, запре-
дѣльный, возлетаемъ,
Въ этотъ часъ мы въ Бога вѣримъ и безсмертье
предвкушаемъ.

7.

КЪ МОРЮ

(Вольный переводъ)

Несись волна—бушуй, о, синій океанъ!..
Серебряной сверкай кольчугою побѣдно!..
Плывутъ и рѣжутъ грудь твою безслѣдно
Несчетныхъ кораблей громады, великанъ!
Гдѣ человѣкъ, тамъ—разрушенья
Печать, но суши царь не властенъ надъ тобой!
Коль есть обломки, знакъ крушенья,
Твоею то разрушено волной,
То на потѣху ей досталось,
Отъ человѣка же и тѣни не осталось:
Лишенный гроба, звона похоронъ,
Рыданія и пѣнья, онъ
Въ глубь темноты твоей прозрачной опустился,
А стонъ его въ пузырь надводный обратился.

Не встрѣтить на пути твоемъ привольномъ
Его слѣдовъ. Не грабитъ онъ равнинъ
Твоихъ златыхъ... Проклятый властелинъ,
Всеразрушающій, съ тобой лишь, своевольнымъ,

Не можетъ совладать. Ты къ облакамъ
Съ нимъ грудь взнесешь, во славѣ ярой пѣны,
Отдашь его, дрожащаго, богамъ
Его и вышвырнешь на берегъ: пусть, презрѣнный,
Лежитъ онъ на материкѣ своемъ,
Пускай покоится, объятый вѣчнымъ сномъ!

Орудьями они, какъ громомъ, поражаютъ
Бока судовъ и стѣны крѣпостей,
Народы въ трепетъ повергаютъ,
И оттого они себя воображаютъ
Владыками и суши, и морей.
Но что передъ тобой тараны тѣ и пушки,
Безсмертное чудовище? Игрушки,
Несомыя тобой по прихоти твоей
И тающія вдругъ отъ твоего удара,
Армады славу ли крушишь иль Трафальгара.

Мѣнялись царства на твоихъ брегахъ,
Лишь ты, о, море, неизмѣнно.
Гдѣ Греція, гдѣ Римъ, гдѣ доблесть Карѳагена,
Ассиріи? Въ твоихъ купалися водахъ
Они и въ славѣ ихъ надменной,
И въ ихъ ничтожествѣ. Теперь они—лишь прахъ...
Все то же ты, и только перемѣнны
Твои красы, твои цвѣта...
Свѣтло твое чело, нетлѣнна красота;
Ты полно блеска, трепета, движенья;
Ты дивно и свѣжо, какъ въ первый день творенья.

О, зеркало безбрежное вселенной!
Повсюду и во всѣ часы,
Покоишься ль отдохновенно,

Суша на солнцѣ мокрые власы,
Вздымаешься въ грозѣ ли вдохновенно,
Среди полуденныхъ, среди полночныхъ странъ,
Великій, безконечный Океанъ,
Неисчерпаемый, неизмѣримый,
Неописуемый, неодолимый...
Ты—образъ Вѣчности, ты—тронъ Творца!..
Твой илъ
Чудовищъ страшныхъ породилъ.
Трепещетъ все тебя. Ты царствуешь вселенной,
Великолѣпный, несравненный!..

Тебя любилъ я! Въ юности моей
Я лучшаго не вѣдалъ наслажденья,
Какъ по груди скользить твоей...
И замирало сердце отъ волненья,
Когда свѣжѣло: вѣтеръ дулъ сильнѣй,
И волны становилися мрачнѣй...
Мнѣ чудилось, что я твой сынъ, о, море,—
И въ упоеніи скитался я въ просторѣ
Твоемъ, и гриву я твою рукой ласкалъ,
Твой трепля царственный, упругій, синій валъ.

8

Есть въ дикомъ лѣсѣ наслажденье,
Отрады брегъ пустынный полнъ,
Есть музыка и упоенье
Въ однообразномъ шумѣ волнъ...

Я васъ люблю, о, люди, но душою
Къ тебѣ сильнѣй влекусь, природа-мать;
И, какъ съ подругой вѣрною, съ тобою
Спѣшу я встрѣтиться—обнять

Тебя—забыть, что прежде было,
Что есть теперь, что ждетъ меня,—
Лишь знать, лишь чувствовать, что выразить нѣтъ силы,
Молчать о чемъ не въ силахъ я.

СТАНСЫ

О, если бы любовь рѣкой струилась вѣчной,
Чтобъ годы и ничто ей не могло вредить,
Мы пили бъ изъ нея блаженство безконечно,
И цѣпь любви легко намъ было бы носить.
Но цѣлый вѣкъ восторгъ любви не можетъ длиться;
Свободной птицею любовь сотворена:
Расправитъ крылья и умчится.
Любви назначенъ срокъ—короткая весна.

Лишь только любящихъ разлучены сердца,
Ихъ мукамъ и слезамъ не видится конца,
И смерть желанна имъ; но пронесутся годы—
Исчезнутъ муки и любовь; когда жъ свободы
На счастье и бѣду лишитъ ихъ бракъ, тотчасъ
Изъ крылъ златыхъ любви онъ перья вырываетъ,
И, бѣдная, изнемогаетъ
Отъ холода, когда ея минуетъ часъ.

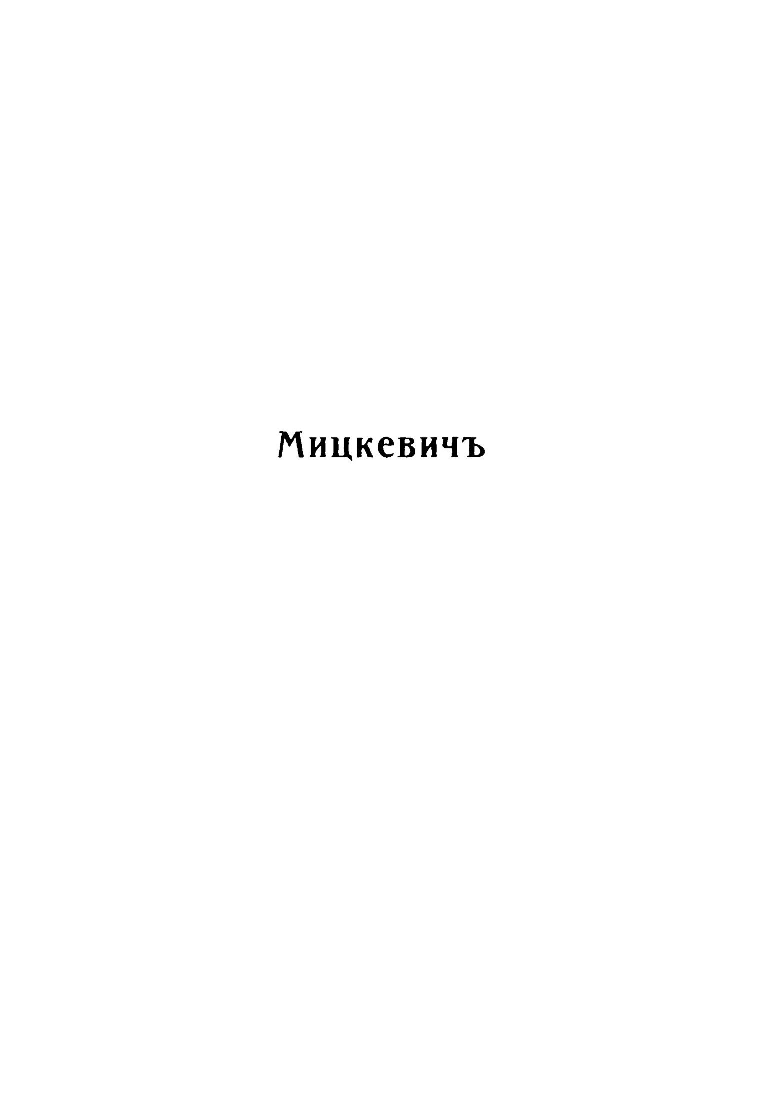
Любовь подобна тѣмъ вождямъ мятежнымъ, чья
Въ бореніи вся жизнь; но быстро власть ея
И славу договоръ законный уменьшаетъ,

И царство вскорѣ же она свое бросаетъ,
Наскучивъ имъ. Впередъ всегда стремясь, она
Въ непрестающемъ быть движеніи должна,
        Въ покоѣ жъ чахнетъ, умираетъ.
Любовь горда: престолъ безславный отвергаетъ.

Не жди же, юноша! Года пройдутъ, и ты
Отъ сна прекраснаго очнешься и, презрѣнья
Полны взаимнаго, тоски и озлобленья,
Терзаться и терзать вы будете, мечты
Былого схоронивъ глубоко. Ослабѣетъ
Вначалѣ чувство, но совсѣмъ не пропадетъ;
        Не жди жъ, когда конецъ придетъ,—
Бросай, пока огонь погаснуть не успѣетъ!

Съ отрадой будете вы позже вспоминать
Тѣ узы, давшія не мало наслажденья,
Коль, пресыщенные, не дождались мгновенья,
Когда любовь начнетъ, какъ иго, утомлять.
Не будутъ холодны объятія нѣмыя
Разлуки, не умретъ въ душѣ восторгъ живой,
        И рады будете порой
Встрѣчать во снѣ черты, когда-то дорогія.

Пускай мучительна разлука, пусть влечетъ
Она отчаянье ужасное, остаться,
Вѣдь, значило бъ сердца обречь на вѣчный гнетъ,
Въ темницу заключивъ. Не могутъ уживаться
Любовь и Время и Привычка! Лишь людей
Свободныхъ признаетъ Любви крылатый геній!
        Разлуки боль—хоть нѣтъ острѣй
Ея—спасаетъ насъ для новыхъ наслажденій.

Мицкевичъ

Крымскіе сонеты

1

АКЕРМАНСКІЯ СТЕПИ

Взрываю грудь сухого океана:
Повозка въ зелени ныряетъ, будто челнъ,
Средь разноцвѣтныхъ, средь шумящихъ волнъ,
Минуя рифъ коралловый бурьяна.

Темнѣетъ. Ни дороги, ни кургана.
Шатеръ небесный чистъ—ни звѣздъ, ни тучъ.
Лишь—облако вдали... лишь—ясный лучъ...
То Днѣстръ блеститъ, маякъ сверкаетъ Акермана...

Стоимъ. Какъ тихо!.. Слышенъ журавлей
Полетъ, незримыхъ и для сокола очей...
Внимаетъ ухо, какъ трепещетъ колосъ,

Какъ, шелестя травой, змѣя ползетъ...
Ахъ, изъ Литвы не донесется ль голосъ
Зовущій?.. Нѣтъ, никто не позоветъ.

2

БУРЯ

Руль сломанъ! Вѣтеръ паруса терзаетъ...
Канатъ послѣдній въ море унесенъ...
Ревъ стоголосый крики заглушаетъ...
Зарей кровавой западъ обагренъ...

Завылъ побѣду вихрь! На гривѣ водяной—
Предъ обнаженной глубиной—
Всталъ Геній смерти и пошелъ къ несчастнымъ,
Смятеніемъ охваченнымъ ужаснымъ...

Тѣ замертво лежатъ, тотъ руки заломилъ,
Тотъ друга заключилъ въ объятія, рыдая,
Молитву шепчетъ тотъ, спасенье призывая...

Угрюмо тамъ одинъ сидѣлъ и говорилъ:
„Счастливъ, кто чувствъ лишенъ, молиться кто умѣетъ,
„Кто предъ кончиною обнять кого имѣетъ!“

3

ВИДЪ ГОРЪ ИЗЪ СТЕПЕЙ КОЗЛОВА

ПИЛИГРИМЪ

Аллахъ ли облака льдяныя взгромоздилъ
И тронъ изъ нихъ воздвигъ для ангеловъ чудесный?
Иль Дивы тотъ оплотъ построили небесный,
Чтобы теченіе остановить свѣтилъ?

Что пламенѣетъ тамъ, въ полночной темнотѣ
Громаду озаривъ? Пожаръ ли Цареграда?
Или предвѣчная то возжена лампада
Аллахомъ, чтобъ свѣтить въ небесной высотѣ?

МИРЗА

Тамъ былъ я—наверху, гдѣ бури и метели,
Гдѣ замерзало устъ дыханіе моихъ,
Гдѣ громъ дремалъ средь тучъ недвижныхъ и нѣмыхъ;

Я тамъ стоялъ, куда орлы взлетѣть не смѣли,
Гдѣ надъ чалмой моей горѣла лишь звѣзда...
То—Чатырдахъ!..

ПИЛИГРИМЪ

А-а!..

4

БАХЧИСАРАЙ НОЧЬЮ

Затихъ изана[1]) гласъ... Изъ мечетей
Толпою набожной расходятся суниты.
Рубиномъ нѣжнымъ небеса облиты.
Блеститъ король серебряный ночей.

Въ гаремѣ горнемъ вѣчныхъ свѣтовъ рой...
Межъ ними облако въ сапфировомъ просторѣ
Плыветъ себѣ едва, какъ спящій лебедь въ морѣ—
Грудь снѣжная, а ободъ золотой.

Здѣсь тѣнь недвижная простерлась кипариса,
Гранитныхъ чудищъ тамъ столпился въ кучу рядъ,
Какъ демоновъ совѣтъ въ присутствіи Эвлиса[2]);

Надъ ихъ главами молніи горятъ,
И степь небесъ быстрѣй коня Фариса[3])
Стрѣлами огневыми бороздятъ.

---

[1]) Призывъ къ вечерней молитвѣ.
[2]) Магометанскій Люциферъ.
[3]) Рыцарь-наѣздникъ.

5
АЛУШТА ДНЕМЪ

Уже стряхнули утра мглу вершины.
Намазъ свой нива шепчетъ золотой.
Зеленой лѣсъ склоняется чалмой,
Роняя, какъ халифъ, гранаты и рубины.

Ковромъ цвѣтовъ пестрѣетъ дно долинъ.
Цвѣты живые рѣютъ тамъ, порхаютъ...
Брилльянтовый они распростираютъ
На воздухѣ какъ будто балдахинъ...

Какъ снѣгомъ, пѣной скалы обсыпая,
Бушуетъ море, и въ его волнахъ
Играетъ лучъ, какъ въ тигровыхъ очахъ...

Бушуетъ здѣсь, на берегъ набѣгая,
А тамъ—покой: средь золотыхъ зыбей
Суда качаются и стаи лебедей...

6

ГРОБНИЦА ПОТОЦКОЙ

О, роза сѣвера! Въ чужой странѣ
Увяла ты среди садовъ цвѣтущихъ,
Подъ бурей жаркихъ слезъ и думъ гнетущихъ,
Съ огнемъ тоски въ сердечной глубинѣ...

Когда сіяютъ чистыя свѣтила,
Ведетъ сплошной на сѣверъ, къ Польшѣ, свѣтъ...
Не ты ли взоромъ жгучимъ проложила
Туда по небу лучезарный слѣдъ?..

Окончу дни мои и я въ уединеньи!..
Къ тебѣ поближе пусть снесутъ мой прахъ друзья!..
Когда, не разъ, твой гробъ обступятъ въ умиленьи,

Родные звуки буду слушать я...
Пѣвецъ, тебѣ почетъ воздавши въ пѣснопѣньи,
Узрѣвъ мой холмъ, помянетъ и меня...

7

ЧАТЫРДАХЪ

МИРЗА

Съ благоговѣньемъ падаю къ стопамъ
Твоимъ, о, Мачта Крыма, Чатырдахъ!—
О, Минаретъ надзвѣздный, Падишахъ,
Ушедшій головою къ небесамъ!..

У вратъ Эдема, грозный Гавріилъ,
Стоишь. Лѣса—твой плащъ, а ужасъ—щитъ.
Чело свое тюрбаномъ тучъ повилъ,
Узоромъ молній тотъ тюрбанъ расшитъ.

Насъ мгла ль слѣпитъ, иль лѣтній зной печетъ,
Иль грабитъ саранча, гяуръ ли жжетъ,—
О, Чатырдахъ, ты глухъ и нерушимъ!

Вознесшись надъ твореніемъ земнымъ,
Въ подножье взявши земли, громы, насъ,
Ты внемлешь только въ небѣ Бога гласъ.

8

ГОРА КИКИНЕИСЪ

МИРЗА

Нагнись надъ бездной и смотри! Лежатъ
Тамъ небеса. То—море голубое!
Его накрыло диво золотое...
Подобно Птахъ-Горѣ оно; висятъ

Крыла огромныя; полъ-міра облегаетъ
Ихъ тѣнь! То диво—облако! Гляди:
Чело его порою обрамляетъ
Огонь: то брызжутъ молніи струи.

Стой, узокъ путь, и пропасть подъ пятой!..
Коней со всею пустимъ быстротой!..
Скачу впередъ съ веревкой и острогой...

Когда исчезну, ты въ разрывы скалъ
Смотри! Перо увидишь—проскакалъ;
А нѣтъ—не ѣздить людямъ той дорогой!

КЪ УЕДИНЕНІЮ

(Вольный переводъ)

Уединеніе, къ тебѣ бросаюсь жадно,
Въ глубокій погружаюсь твой кристаллъ,
Тону, ныряю въ глубинѣ прохладной
И жаръ груди гашу струей отрадной...
Но вотъ остылъ я въ холодѣ, усталъ—

И вновь, какъ рыба-птица, въ міръ надводный
Стремлюсь. Но тамъ мнѣ тяжко: мучитъ зной,
И духота томитъ... И такъ безплодно
Спасаюсь изъ стихіи я одной
Въ другую—имъ обѣимъ не родной.

КЪ....

(На Альпахъ, въ Сплюгенѣ)

Нѣтъ, никогда, нигдѣ не разлучусь съ тобой!
Ты слѣдуешь за мной по морю и по сушѣ;
На льдахъ блистающихъ мнѣ чудится твой слѣдъ,
И голосъ твой звучитъ мнѣ въ шумѣ водъ аль-
пійскихъ;
Порою съ трепетомъ назадъ я оглянусь:
Твой призракъ жду увидѣть—и боюсь...

Неблагодарная! Межъ тѣмъ, какъ здѣсь, въ горахъ,
Взлетѣвшихъ къ небесамъ изъ пропастей, свой
трудный
Я совершаю путь, льдомъ вѣчнымъ окруженъ,
И съ крутизны ищу во мглѣ звѣзды сіянье
Полуночной, Литву ищу, твой домъ, тебя...
Неблагодарная—быть можетъ, въ вихрѣ бала,
Его царицею, въ тотъ мигъ несешься ты,
Иль другу новому въ бесѣдѣ откровенной
Про нашу говоришь съ улыбкою любовь...

Повѣдай: вправду ль ты счастлива оттого,
Что раболѣпный рой вокругъ тебя кружится,
Что въ нѣгѣ, въ роскоши безпечной тонешь ты,
Что не гнететъ души твоей воспоминанье...
Или счастливѣе была бы ты, когда бъ
Судьбу изгнанника несчастнаго дѣлила,
И вмѣстѣ съ нимъ средь этихъ горъ бродила?

Ахъ! я бы за руку тебя водилъ,
Я бъ пѣсни пѣлъ, твой слухъ развеселяя,
Въ ручей для ножки милой камни клалъ,
Чтобы прошла, къ водѣ не прикоснувшись,
Дыханьемъ дорогія бъ руки грѣлъ,
Сплошь поцѣлуями ихъ покрывая...
Въ избушкѣ горца ужинъ бы насъ ждалъ;
Своимъ плащомъ тебя бы я окуталъ,
И, передъ яркимъ задремавъ огнемъ,
Ты на плечѣ очнулась бы моемъ...

СЪ ДОБРЫМЪ УТРОМЪ!

Съ добрымъ утромъ! Спитъ, являя ненаглядную картину:
Въ небесахъ, въ селеньяхъ райскихъ духъ ея наполовину—
Здѣсь другая половина—свѣтитъ въ прелести земной,
Словно солнце: частью въ небѣ, частью въ тучкѣ золотой.

Съ добрымъ утромъ! Къ алымъ губкамъ рой докучный мухъ тѣснится.
Съ добрымъ утромъ! Вотъ вздохнула; шевельнулася рѣсница—
И внезапно, полный свѣта, взоръ раскрылся голубой.
Съ добрымъ утромъ! Въ блескѣ солнца я склонился надъ тобой.

Несъ привѣтъ тебѣ сладчайшій, но взглянула ты,
царица—
Обмеръ, храбрости лишился... Надо мнѣ узнать
сперва,
Съ мягкимъ сердцемъ ли проснулась, не болитъ ли
голова.

Съ добрымъ утромъ! Протянула ручку мнѣ свою
едва...
Отойти велишь... Покорно ухожу: твои вотъ платья!
Ахъ, вставай—и съ „добрымъ утромъ“ мнѣ ра-
скрой свои объятья!

Какъ въ морѣ двѣ ладьи, мы встрѣтились съ тобой:
Твоя—блестящей расписной кормой
Надменно пѣну разсѣкая
И бѣлоснѣжнымъ парусомъ сверкая;.

Моя же—челнъ хромой, игралище валовъ,
Съ остатками изодранныхъ крыловъ,
Съ весломъ поломаннымъ, съ изсѣченной кормою...

Прости! не слѣдовать дорогой намъ одною,
И въ морѣ намъ не встрѣтиться опять:
Искать не станешь ты, а мнѣ ужъ гдѣ искать?!

ВЪ АЛЬБОМЪ

Благо тѣмъ, кто въ сердцѣ дорогомъ утонетъ,
Какъ кораллъ роскошный, или перлъ безцѣнный,
Что въ Балтійскомъ морѣ, въ глуби сокровенной,
Влага голубая съ ласкою хоронитъ!

Я же, камень скромный, не могу сравниться
Съ перломъ и коралломъ красотой и блескомъ,—
Радъ я набѣжавшимъ насладиться плескомъ—
И на мель забвенья тихо опуститься.

ВОСПОМИНАНІЕ

(Сонетъ)

Хранишь ли, милая, ты въ памяти твоей
Волшебный сонъ давно прошедшихъ дней,
Когда—вдвоемъ—одни мы въ цѣломъ мірѣ были
И, заняты собой лишь, все забыли.

Бесѣдка, что плющемъ по волѣ заросла,
Ручья потокъ, съ горы стремящійся съ жур-
чаньемъ,—
Тамъ часто насъ, однимъ волнуемыхъ желаньемъ,
Любовно укрывала ночи мгла;

А мѣсяцъ, сѣтью блѣдной сквозь вѣтвей
Осыпавъ грудь твою и кудри золотыя,
Въ небесныя преображалъ черты земныя...

Тогда сердца дрожали въ насъ сильнѣй,
Тонулъ во взорѣ взоръ, уста сближались,
Со вздохомъ вздохъ, слеза съ слезой мѣшались...

КЪ Д... Д...

(Вольный переводъ)

Всѣхъ безъ сравненья ты милѣй, моя красотка,
Когда вотъ такъ трещишь, прелестная трещотка...
Сижу, не смѣя токъ рѣчей твоихъ прервать,
Хотѣлъ бы вѣкъ внимать тебѣ, внимать...

Когда жъ глядишь вотъ такъ — полураскрывши губки,
Жемчужные свои показывая зубки—
Ахъ, не хочу тогда рѣчамъ твоимъ внимать—
Лишь цѣловать хочу, лишь цѣловать...

Когда лишь трупъ одинъ межъ вами тутъ сидитъ,
И смотритъ вамъ въ лицо, и съ вами говоритъ,
Душа моя летитъ въ то время, ахъ, далеко,
И въ грезѣ золотой тону я, ахъ, глубоко!..

Край есть одинъ!.. Тотъ край прекрасенъ безконечно.
Тамъ мысль моя живетъ, тамъ родина моя,
Затѣмъ, что дружбой тамъ я окруженъ сердечной,
Семьей, милѣйшей тѣхъ, съ кѣмъ кровно связанъ я.

Тамъ—грусти ль предаюсь, работѣ ли, веселью—
На волю я бѣгу, подъ ароматной елью
Сижу, или на днѣ травы густой лежу—
За жизнью пестрою, кишащей вкругъ, слѣжу...

Тамъ зрю тебя порой! Вотъ на крыльцѣ стоишь,
По золоту луговъ идешь, во ржи мелькаешь,
На верхъ горы ногой младенческой взбѣгаешь
И мнѣ съ небесъ звѣздой вечернею блестишь.

ВЪ АЛЬБОМЪ ЛУИЗѢ МАЦКЕВИЧЪ

Тебѣ, кого не видѣлъ и не знаю,
Невѣдомый, далекій, посылаю
Привѣтъ сердечный. Кратокъ мой привѣтъ:
Два только слова: „Здравствуй!", „Многихъ лѣтъ!"

Въ горахъ альпійскихъ въ поздній часъ блуждать
Привыкнувъ, пѣснью духъ свой веселю я;
А какъ мнѣ пѣсни некому послать,
Ее тебѣ, невѣстѣ друга, шлю я...

Но, можетъ быть, пока та пѣснь дойдетъ,
Пѣвца покровомъ вѣчнымъ занесетъ...

Распустившись цвѣтомъ нѣжнымъ,
Дерева благоухаютъ.
Соловей надъ рѣчкой свищетъ.
Слухъ стрекозы оглушаютъ.

Что же я стою не веселъ—
И весна мнѣ не на радость?
Не съ кѣмъ, не съ кѣмъ подѣлить мнѣ
Дней весеннихъ первыхъ сладость!..

Предъ окномъ моимъ раскрытымъ
Музыкантъ стоитъ бродячій
И поетъ подъ звонъ гитары.
Въ тихомъ тонетъ сердце плачѣ...

Ахъ, пѣвецъ, оставь ты эту
Пѣсню!—слушать не могу я:
Плакать звуки заставляютъ—
Съ кѣмъ тѣ слезы раздѣлю я?

Хоть отъ мукъ изнемогаю,
Къ людямъ съ ними не спѣшу я:
Слушать имъ, вѣдь, не охота...
Лучше Смерти разскажу я.

Предъ свѣчею одинокой
Сяду, руки заломивши,—
Иль мурлычу пѣсню сонно,
Иль пишу, перо схвативши...

Сами льются звуки, риѳмы
Золотыя—не ищу я;
Сердце жъ ноетъ: съ кѣмъ тѣ звуки,
Съ кѣмъ тѣ риѳмы раздѣлю я?..

Отчего же, духъ творящій,
Полонъ скорби ты глубокой?
Оттого, что мраченъ въ мірѣ,
Кто съ душою одинокой.

Все чредой—весна и осень,
Счастье и несчастье—минетъ,
Но души той сумракъ вѣчно
Не покинетъ, не покинетъ!

Надъ водою глубокой и свѣтлой
Рядъ могучихъ утесовъ тѣснится—
Словно въ зеркало, смотрятся въ воду
Ихъ гранитныя черныя лица.

Надъ водою глубокой и ясной
Облаковъ пролетаетъ гряда—
Отразились въ кристаллѣ спокойномъ
Ихъ воздушно-златыя стада.

Надъ водою глубокой и тихой
Загорѣлось, и громъ прокатился—
Дивно вспыхнула влага, и звонко
Громъ небесный въ скалахъ отразился.

Тамъ—въ водѣ, наклонившись, я вижу
И морщины гранитной семьи,
И бѣгущія по небу тучи,
И блистательныхъ молній струи.

Скаламъ царственнымъ—видъ неприступный,
Тучамъ мрачнымъ—гроза и смятенье,
Громамъ, молніямъ—грохотъ, сіянье,
Мнѣ—теченье, теченье, теченье...

Леманъ

Льются слезы чистыя,—лучистыя...
Ахъ, мое дѣтство ясное,—прекрасное!..
Ахъ, моя юность нѣжная,—мятежная!..
Ахъ, моя осень хмурая,—понурая!..
Льются слезы жгучія,—горючія...

ВЕРХОВНЫЙ ХУДОЖНИКЪ

Великій нѣкій есть Артистъ надъ нами!
Міры онъ въ хоръ божественный сомкнулъ,
Стихіи, будто струны, протянулъ—
И, страшными водя по нимъ громами,
Отъ вѣка пѣснь чудесную поетъ,
Которой смысла смертный не пойметъ.

Художникъ кисти—своды расписалъ онъ
И въ водномъ ихъ воспроизвелъ стеклѣ,
Рѣзца художникъ—скалы изваялъ онъ
И изъ металловъ отлилъ ихъ въ землѣ;
И рядъ прошелъ тысячелѣтій длинный—
Что̀ скрыто тутъ, не понялъ ни единый.

Художникъ слова—съ силой неземной
Немногими онъ все сказалъ словами
И самъ истолковать намъ замыслъ свой
Сошелъ на землю—жизнью и дѣлами;
И что же?—въ плоть земную облеченъ,
Земною тварью былъ поруганъ онъ!

А ты, фигляръ заносчивый земли!
Что̀ всѣ творенья жалкія твои!
Скорбишь и ропщешь ты, что чернь людская
Стоитъ предъ ними, ихъ не понимая...
На Вышняго воззри, творецъ земной,
Неузнанный иль пре́зрѣнный толпой!

—•►—◄•—

ВИДѢНІЕ

(Отрывокъ)

Раздался громъ—и тѣло вдругъ мое,
Какъ тотъ цвѣтокъ, что пухомъ окруженъ,
Подъ горнимъ разлетѣлось дуновеньемъ,
И духъ, освобожденный, воспарилъ...
Казалось, что отъ сна я пробудился
Ужаснаго, терзавшаго меня,
И—какъ проснувшійся стираетъ потъ—
Свое существованье стеръ земное,—
И этотъ міръ, гдѣ я когда-то жилъ,
Гдѣ много для меня такъ было мукъ
И тайнъ, надъ коими въ тоскѣ я мыслилъ,—
Исчезло все, осталось въ глубинѣ,
Какъ подъ водою, утромъ позлащенной...

Божественный вокругъ меня сіялъ
Просторъ, гдѣ лился свѣтъ необычайный,—
И я легко въ просторѣ мчался томъ...
И свѣтомъ пламеннымъ и окомъ зрящимъ
Я разомъ былъ, и всюду проникалъ,
И обнимало все мое горѣнье,
И зрѣлъ я все—и сущаго рѣшенье.

Словацкій

ГИМНЪ КЪ ЗАХОДУ СОЛНЦА НА МОРѢ

Скорбитъ душа моя, о, Боже! Для меня
Ты океанъ разлилъ огня;
Передо мною солнце золотое
Ты въ море голубое
Рукою властной опустилъ...
Хоть небо, воды Ты позолотилъ—
Скорбитъ душа моя, о, Боже!

Подобно колосу пустому, что̀ съ главою
Взнесенной,—я стою, и пустъ и пресыщенъ;
Для смертныхъ духъ мой гордый затаенъ,
Но предъ Тобою—
До дна
Обнажена—
Скорбитъ душа моя, о, Боже!

Какъ бы передъ разлукой горькой, вѣчной,
Съ тоскою безконечной
Взираю я,
Какъ солнце въ морѣ догораетъ

И съ волнъ послѣдній блескъ бросаетъ...
Хоть завтра будетъ вновь потоки лить огня—
Скорбитъ душа моя, о, Боже!

Средь бездорожья голубого,
Вдали отъ берега земного, .
Родимыхъ вижу аистовъ моихъ,
Что̀ тянутся лазурной степью
Цѣпью...
Лишь вспомню о краяхъ родныхъ—
Скорбитъ душа моя, о, Боже!

Затѣмъ, что часто я слезами обливалъ
Холодный прахъ могильный, что не зналъ
Родного дома,
Что въ мірѣ я блуждалъ, какъ пилигримъ
Въ горахъ, въ грозу и мракъ, при шумѣ грома,
И тьмой и молніей слѣпимъ,—
Скорбитъ душа моя, о, Боже!

Развѣетъ вихрь мой прахъ непогребенный,
И бѣлоснѣжныя колонны
Не будутъ сонъ мой окружать!..
Ахъ, пусть!.. Усталый жаждетъ духъ покоя,
И умереть готовъ давно я;
Но что безвѣстно буду умирать—
Скорбитъ душа моя, о, Боже!

Младенческая тамъ душа одна
Молиться за меня 'научена̀,
И тихо шепчетъ предъ Тобою...
Но горькой я преслѣдуемъ судьбою,
И горькія лью слезы. Оттого,
Что дѣтская мольба не значитъ ничего,—
Скорбитъ душа моя, о, Боже!

На тотъ пожаръ божественный заката,
На свитокъ тотъ изъ пурпура и злата,
Чтò Ты необозримо такъ простеръ,—
Пройдутъ вѣка—другіе будутъ взоръ
Взводить, вздыхать—и въ вѣчность удаляться;
Но прежде чѣмъ съ ничтожествомъ смѣшаться—
Скорбитъ душа моя, о, Боже!

ГИМНЪ КЪ ЗАХОДУ СОЛНЦА НА МОРѢ

(Варіантъ перевода)

Скорбитъ душа моя, о, Боже! Для меня
Ты океанъ разлилъ огня;
Передо мной въ сверкающее ложе
Пучинъ лазурныхъ солнце опустилъ...
Хоть небо, море ты позолотилъ—
Скорбитъ душа моя, о, Боже!

Какъ колосъ я пустой, что вознесенъ...
Для смертныхъ духъ мой гордый затаенъ,
Но предъ Тобой скрывался бъ для чего же?
До дна
Передъ Тобой обнажена—
Скорбитъ душа моя, о, Боже!

Какъ бы передъ разлукой горькой, вѣчной,
Взираю я съ тоскою безконечной,
Какъ шаръ нисходитъ въ море золотой
И съ волнъ бросаетъ блескъ послѣдній свой...
Хоть знаю—не на вѣкъ, и завтра будетъ то же—
Скорбитъ душа моя, о, Боже!

Средь бездорожья голубого,
Вдали отъ берега земного,
Я вижу аистовъ родимыхъ надо мной,
Чтó цѣпью длинною лазурною стезей
Несутся съ криками куда-то... Отчего же
Скорбитъ душа моя, о, Боже?

Затѣмъ, что жаркими слезами обливалъ
Я мертвый прахъ, что крова я не зналъ
Родного, нѣтъ котораго дороже,
Что въ мірѣ горько я блуждалъ, какъ пилигримъ
Въ горахъ, въ грозу и міракъ, огнемъ небесъ
слѣпимъ,—
Скорбитъ душа моя, о, Боже!

Развѣетъ вихрь мой прахъ непогребенный,
И горделивыя колонны
Не будутъ сонъ мой окружать!..
Ахъ, пусть!.. Я смерти жажду!.. Оттого же,
Что одиноко буду умирать,—
Скорбитъ душа моя, о, Боже!

Младенческая тамъ душа одна
Молиться за меня наученà,
И тихо шепчетъ предъ Тобою... Все же
Неумолима тайная судьба!
Что дѣтская безпомощна мольба—
Скорбитъ душа моя, о, Боже!

На огненныя розы тѣ заката,
На свитокъ тотъ изъ пурпура и злата,
Что ангеламъ велишь Ты дивно расцвѣтить,—
Проïдутъ вѣка—другіе будутъ тоже

Смотрѣть—и въ вѣчность уходить;
Но прежде чѣмъ ничтожества вкусить—
Скорбитъ душа моя, о, Боже!

ВЪ РАЗЛУКѢ

(Вольный переводъ)

Разстались мы, но даль—ничто мечтамъ.
Печали бѣлый голубь—вѣстникъ намъ;
Все знаю: по тропѣ ль ты шествуешь любимой,
Рыдаешь ли—одна, въ тоскѣ неутѣшимой...

Я знаю, въ часъ какой мученье подступаетъ...
И чья тамъ рѣчь тебя больнѣй всего терзаетъ...
Ты зрима мнѣ, какъ та звѣзда, что надо мной
То синей искрится, то розовой слезой...

И хоть тебя, какъ той звѣзды, мнѣ не достать,
Отселѣ вижу я твой домъ и садикъ милый,
И знаю, въ уголкѣ какомъ тебя искать,
Гдѣ тихо свѣтитъ взоръ очей унылый...

Тебѣ же, ахъ, вовѣкъ тотъ міръ въ воображеньи
Не сотворить, гдѣ я живу въ уединеньи,
Хоть блескомъ мѣсяца и пламенемъ зари
Ты облила бъ мечтанія твои.

Не знаешь ты, что неба куполъ ясный
Раскинуть надо подъ окномъ моимъ
И озеромъ назвать то небо голубымъ,
И тихо начертить тамъ горизонтъ прекрасный...

Не знаешь ты, какой очамъ даруетъ пиръ
Тутъ полдня золото и вечера сапфиръ,
Какъ темя горъ дождей вѣнчается власами,
Какъ мѣсяцъ неводъ ихъ цвѣтитъ лучами.

Не знаешь той звѣзды, что каждый разъ
Надъ тою же горой восходитъ въ поздній часъ—
Звѣзды, которую назначилъ для тебя я,
Чтобы твой сонъ лелѣяла, сіяя...

Два тамъ огня всегда надъ озеромъ дрожатъ...
Привыкъ мой къ нимъ, звѣздамъ прибрежнымъ, взглядъ,
Чтó въ отдаленья мглѣ краснѣе звѣздъ небесныхъ,
И отличаю ихъ я отъ огней окрестныхъ,

И подолгу любуюсь ими я...
А ты, звѣзда нездѣшняя моя!
Еще взойдешь ли ты надъ странникомъ печальнымъ—
Твоихъ очей сіяніемъ хрустальнымъ?..

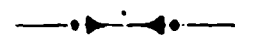
СОНЕТЪ

Кто возвратитъ покой душѣ моей?
Кто ей опять вернуть блаженство можетъ?
Та, что любилъ я—радость прежнихъ дней
Теперь моей печали не поможетъ.

И если даже на груди другой,
Забывшись, буду счастливъ на мгновенье,
Увы, то не спасетъ души больной:
Воскреснетъ въ сердцѣ старое мученье.

Хоть роза только разъ цвѣсти должна,
Случится, въ осень снова расцвѣтаетъ,
Но ужъ иная—мертвенна, блѣдна...

Такъ на лицѣ того, кто умираетъ,
Еще улыбка иногда видна,
Но смерти тѣнь надъ нимъ уже летаетъ.

СОНЕТЪ

Ужъ надъ землей полночный сонъ царитъ,
Но скорбь успокоенія не знаетъ.
Мечта къ минувшимъ радостямъ летитъ,
И глубоко и тяжко грудь вздыхаетъ.

И если плоть въ забвеніе впадетъ,
Душа блуждаетъ въ мірѣ сновъ уныло,
И тамъ, средь призраковъ, не устаетъ
Искать единый образъ, сердцу милый.

Какъ есть цвѣтокъ, что ночью лишь раскрытъ
И, мѣсяцемъ облитъ, благоухаетъ,
Пока денницы лучъ не заблеститъ,

Такъ сердце есть, что въ мукахъ изнываетъ,
Но днемъ ревниво скорбь свою таитъ,
И только ночью, плача, отдыхаетъ.

ПУТЕШЕСТВІЕ КЪ ПИРАМИДАМЪ

(Отрывокъ)

Сегодня, только солнце поднялось,
Я изъ Каира выѣхалъ. Туманъ
Еще надъ городомъ клубился бѣлый...
На пальмахъ брилліанты слезъ висѣли...
Часовни, минареты и дворцы,
Таинственною зеленью садовъ
Окружены, на сѣверъ уходили...
Бѣжитъ исправно осликъ мой. Уже
Въ Каирѣ Старомъ я. Вотъ берегъ, лодка!
Сажусь, плыву. За Ниломъ распростерты
Зеленыя, блестящія равнины;
По берегамъ прелестныхъ хижинъ рядъ;
Потомъ—лѣса, въ просвѣтѣ жъ между ними
Три Пирамиды... Дальше—золотые
Пески и небо блѣдное надъ ними...
Весь созерцанію отдался я...
Межъ тѣмъ, пристала лодка. Выхожу.
Ближайшими деревьями закрылись
Туманныя вершины Пирамидъ.

Разросся лѣсъ, подъ небеса ушелъ
Шумящими верхушками, какъ будто —
Преддверье Пирамидъ, все изъ колоннъ,
Къ творенью человѣческому Богомъ
Пристроенное. Долгихъ три часа
Тянулась, мыслей полная, дорога...
Озера переплыли и на море
Песчаное вступили наконецъ,—
И тутъ открылись взору моему
Таинственныя хмурыя громады,
Глядящія на солнце и меня...
Какъ я ничтоженъ передъ ними былъ
На осликѣ приземистомъ моемъ!
Вблизи (подробнымъ быть я обѣщалъ)
Стоятъ три рядомъ дерева: двѣ груши
И между ними пальма; хоть въ пескахъ
Взросла, но вся, какъ будто изумрудомъ,
Усыпана блестящими листами—
Суровыхъ мавзолеевъ стражъ зеленый.
Отрадно грезить здѣсь подъ шумъ каменьевъ,
Съ могильныхъ низвергающихся горъ!
Усталый, я на камнѣ бѣломъ сѣлъ,
Подъ тѣнью широко-вѣтвистой груши.
У ногъ своихъ, взоръ опустивъ случайно,
Я муравьевъ серебряныхъ увидѣлъ;
Взялъ въ руки одного: что за созданье
Прелестное, блестящее, какъ перлъ!
Пустилъ его, а самъ пошелъ, одинъ,
Къ Хеопсовой гробницѣ. Половину
Пройдя пути, я голову поднялъ:
Передо мной громада возвышалась,
Вершиной потонувшая въ лазури...
Ее измѣрить былъ не въ силахъ взоръ!

Кругомъ пустые все стояли гробы,
Изъ коихъ самый прахъ давно исчезъ.
На горизонтѣ, надъ песками высясь,
Глядѣло Сфинкса черное лицо.
Ужасенъ былъ пустыни дикой видъ...
Тутъ бедуины появились вдругъ...
Какъ сажа, черные, въ одеждахъ бѣлыхъ,
Меня толпою шумной окружили,
Напоминая сонмище чертей,
И съ крикомъ, факелы держа высоко,
Блѣдно-горящіе при свѣтѣ солнца,
Къ гробницамъ повели, нѣмымъ отъ вѣка...
Смоковницы нашелъ я по дорогѣ
Окаменѣвшій плодъ, илотовъ царскихъ
Кормившій, нынѣ жъ камень межъ гробовъ.
Не измѣнился формой, цвѣтомъ—желтый.
Покуда я разглядывалъ находку,
Арабы, словно пирамиду тутъ
Задумали воздвигнуть надо мной,
Камней подобныхъ кучу нанесли.
Я съ дюжину купилъ, и дальше въ путь.
Вотъ и Хеопсово кладбище! Здѣсь
У входа самаго—пригорокъ низкій:
Надъ дочкою Хеопса—пирамидка.
Смиренно такъ и кротко пріютилась
Дочерняя могила у отцовской,
Что слезы ощутилъ я на глазахъ...
Въ гробницы входъ чрезъ узкое отверстье,
Туда вползать на четверенькахъ надо;
Полѣзъ проворно факельщикъ сперва
И вмигъ пропалъ тамъ. Ввѣрить оставалось
И духъ, и тѣло гидамъ черномазымъ.
Немедленно въ меня впряглися двое

И потащили за руки, а третій
За мною слѣдовалъ, толкая въ спину,—
И такъ ползли мы, словно по трубѣ
Какой-то склизкой, выше все и выше,
И очутились въ Комнатѣ Царицы
(Гдѣ спину разогнулъ я наконецъ).
Съ ней рядомъ Усыпальница Царя.
Свѣтъ факеловъ вокругъ раопространился
Свободно. Саркофагъ Хеопсовъ пустъ.
Я стукнулъ пальцемъ—звукъ глухой раздался...

На Божій свѣтъ я вышелъ, словно сонный...
Слѣпили взоръ полдневные лучи
И зелень пальмъ, и золото песковъ...

ИЗЪ ПИСЬМА КЪ КНИГОТОРГОВЦУ

(Евстахію Янушкевичу)

(Вольный переводъ)

Еще кружится вихремъ предо мной
Розъ, миртовъ, пальмъ, дворцовъ, мечетей строй;
Каиръ, Солима, Тиръ-еще въ очахъ,
Мой Стахъ.

Еще моя въ туманѣ голова,
Еще мелькаетъ моря синева,
Гіэнъ, шакаловъ вой еще въ ушахъ,
Мой Стахъ.

Еще мнѣ долго, долго отдыхать,
А взору къ крышамъ, трубамъ привыкать,
Намѣсто пальмъ зеленыхъ въ небесахъ,
Мой Стахъ.

Но поспѣшишь меня ты разбудить,
Заставишь мигомъ запахъ розъ забыть,
Какъ станешь въ книжныхъ рыться ты шкапахъ,
Мой Стахъ.

Введешь меня ты живо въ край родной,
Край, мертвенной обвѣянный тоской,
Край, въ горькихъ утопающій мечтахъ,
Мой Стахъ.

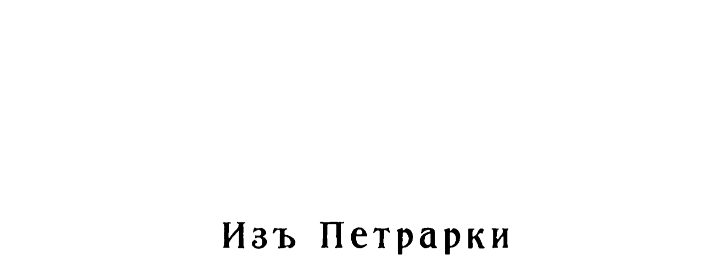
Пиши же, Стахъ, мнѣ обо всемъ скорѣй:
Чтó сдѣлалъ сонмъ поэзіи друзей,
Чтó сотворилъ онъ въ прозѣ и стихахъ,
Мой Стахъ.

Для нихъ, вѣдь, свѣжіе росли вѣнки,
Работали печатные станки,
Пока сидѣлъ у Мавровъ я въ гостяхъ,
Мой Стахъ.

Пусть тамъ они поютъ „Te Deum“ мнѣ,
Что цѣлый годъ я рылся въ старинѣ,
Тревожа Гракховъ, Сципіоновъ прахъ,
Мой Стахъ,—

Какъ буря, въ ихъ ворвусь я антифонъ,
Крича: „Приди, о, грозный богъ, Тифонъ!“,
Египетскихъ скликая въ помощь птахъ,
Мой Стахъ,

И, Атора еще зовя, на нихъ,
Какъ гладіаторъ, ринусь, смѣлъ и лихъ,
И въ несказанный приведу ихъ страхъ,
Мой Стахъ.

Изъ Петрарки

СОНЕТЪ

Поютъ ли хоры птицъ, или въ долинѣ сонной
Листвы неясное раздастся вкругъ шептанье,
Иль вѣтеръ прилетитъ изъ рощи благовонной,
И свѣжее ручья уловитъ слухъ журчанье...

Всечасно ликъ ея, любовью озаренный,—
Я вижу—надо мной склоняется, въ сіяньи,
И нѣжной рѣчи я внимаю, упоенный,
И облегчается души моей страданье:

„О, что тоскуешь такъ, печалію убитый?
„Зачѣмъ слезамъ обрекъ ты жребій быстротечный,
„Росой ихъ горькою зачѣмъ кропишь ланиты?

„Не сѣтуй обо мнѣ! Чертогъ нетлѣнный, вѣчный
„Мое пристанище теперь; пускай закрыты
„Мои глаза—ихъ свѣтъ ласкаетъ безконечный!..“

Изъ Гейне

Ты вся въ драгоцѣнныхъ каменьяхъ...
Предъ солнцемъ твоей красоты
Блѣднѣютъ отъ зависти звѣзды...
Чего же еще хочешь ты?

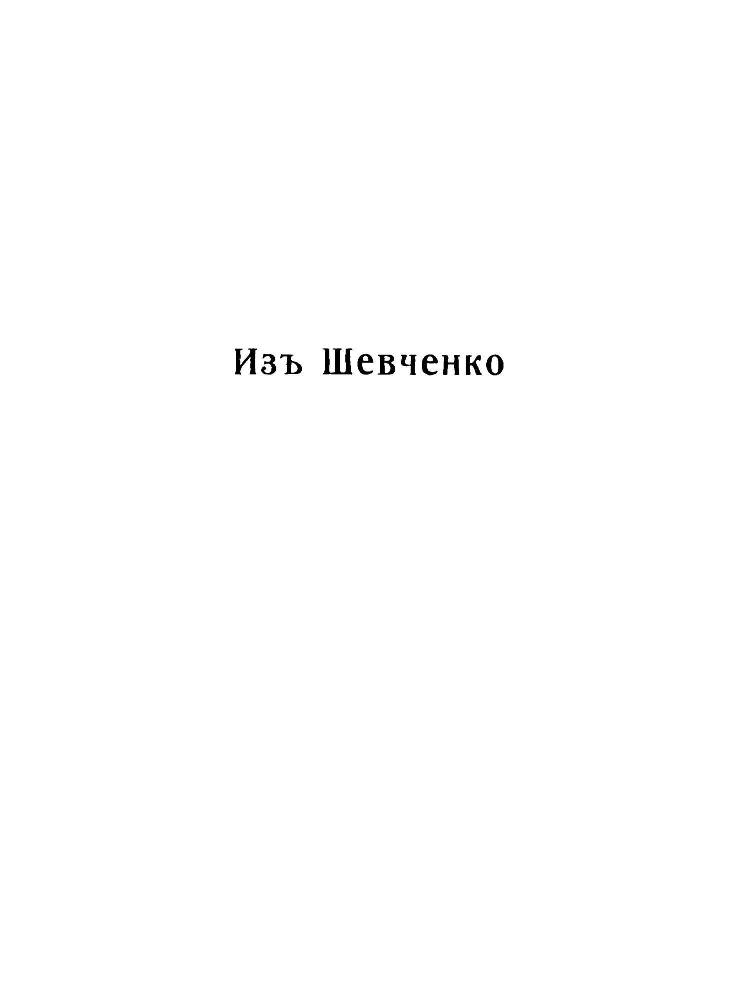
Къ тебѣ вдохновленный любовью,
Во славу твоей красоты
Безсмертныя пѣсни сложилъ я...
Чего же еще хочешь ты?

Ахъ, въ самое сердце я раненъ
Стрѣлою твоей красоты;
Тобою сраженъ, умираю...
Чего же еще хочешь ты?

Изъ Анны Виванти

КТО ЗНАЕТЪ?

Всю ночь уснуть я не могла... Въ окнѣ
Блеститъ востокъ каймою золотою;
Въ прозрачной блѣдной вышинѣ
Звѣзда блѣднѣетъ за звѣздою...
Кто знаетъ, есть ли тамъ, надъ нами, Богъ,
Который любитъ, утѣшаетъ?..
О, почему жъ бы Онъ придти не могъ
Ко всѣмъ несчастнымъ, кто страдаетъ,
Кто тщетно здѣсь зоветъ Его? Увы!..
Я думаю о Богѣ, что надъ нами,
Я думаю о Васъ, о томъ, что Вы
Меня забыли, и о бѣдной мамѣ—
На небесахъ—я думаю...

Изъ Шевченко

На солнце тучка набѣгаетъ,
Предъ нимъ коверъ свой разстилаетъ
И въ море на покой зоветъ,
Въ просторъ безкрайный синихъ водъ...
Вотъ золотистой пеленою
Любовно обвила его,
Какъ мать ребенка своего...
О, любо взору!.. Здѣсь душою
Могу покойно отдохнуть.
Привольно здѣсь вздыхаетъ грудь
И дума улетаетъ къ Богу...
Но ужъ темнѣетъ понемногу,
Угрюмый меркнетъ океанъ;
Какъ ворогъ злой, ползетъ туманъ,
Распространяя мглу сѣдую,
И гаситъ зорьку золотую...
И въ душу тотъ туманъ ползетъ,
И свѣта взоръ напрасно ждетъ...

ВЕЧЕРЪ

Вишневый садикъ передъ хатой;
Жуки надъ вишнями гудятъ.
На отдыхъ пахари спѣшатъ.
Гурьбой идутъ дѣвчата съ пѣсней.
Старухи ждутъ—сидятъ у хатъ...

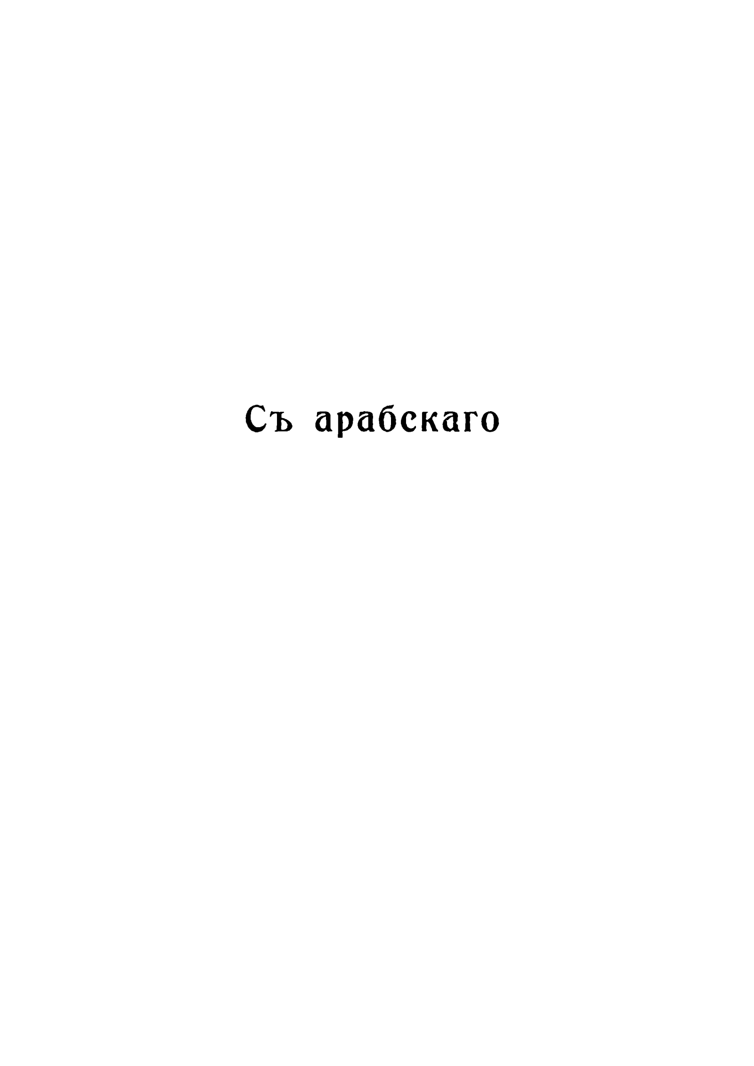
Семья, крестясь, за столъ садится...
Вонъ мѣсяцъ золотой встаетъ!..
Горячій ужинъ дочь несетъ;
Мать хочетъ ей промолвить слово—
Свистъ соловьиный не даетъ...

Оконченъ ужинъ. Помолились
И уложили спать дѣтей.
Затихли пѣсни... Нѣтъ огней...
Легли и сами... Все умолкло—
Лишь не умолкнулъ соловей...

Все небо тучи облегли,
И море хмуро и уныло.
Тростникъ, какъ пьяный, до земли
Безъ вѣтра гнется... Боже милый!

Мучительныхъ какъ много дней
Еще пробуду здѣсь, надъ моремъ,
Въ тюрьмѣ незапертой моей,
Съ моимъ невыплаканнымъ горемъ?

Безмолвно все... Трава сухая
Молчитъ и никнетъ, какъ живая...

Съ арабскаго

1

ПЕРЕДЪ МОГИЛОЮ АЗИЗЫ

Передъ могилою глухой, травой одѣтой,
Я сталъ. Въ зеленомъ сумракѣ вѣтвей
Семь анемоновъ плакали надъ ней.
И я спросилъ: „Кто спитъ въ могилѣ этой?“
И изъ земли отвѣтилъ голосъ мнѣ:
„О, человѣкъ, склони чело въ печали:
„Азиза [1]) милая лежитъ здѣсь въ тишинѣ!“
И трепетно къ землѣ уста мои припали...
„Достойная!“—воскликнулъ я: „въ раю
„Тебѣ воздастся за любовь твою!..
„О вы, несчастные въ любви, забыты
„Вы даже въ смерти: не придетъ никто
„Къ могилѣ вашей, чтобъ расчистить плиты,
„Засыпанныя листьями. Зато
„Могилу эту уберу цвѣтами
„Я сплошь; пускай красуются надъ ней,
„Влюбленные, а чтобъ еще пышнѣй
„Они цвѣли, ихъ орошу слезами“.

—✦—

[1]) Азиза умерла отъ горя, узнавъ, что ея женихъ—прекрасный Азизъ — измѣнилъ ей. «Какъ смерть сладка въ сравненіи съ измѣной!»—были ея послѣднія слова. (См. «Тысяча и Одна Ночь»).

2

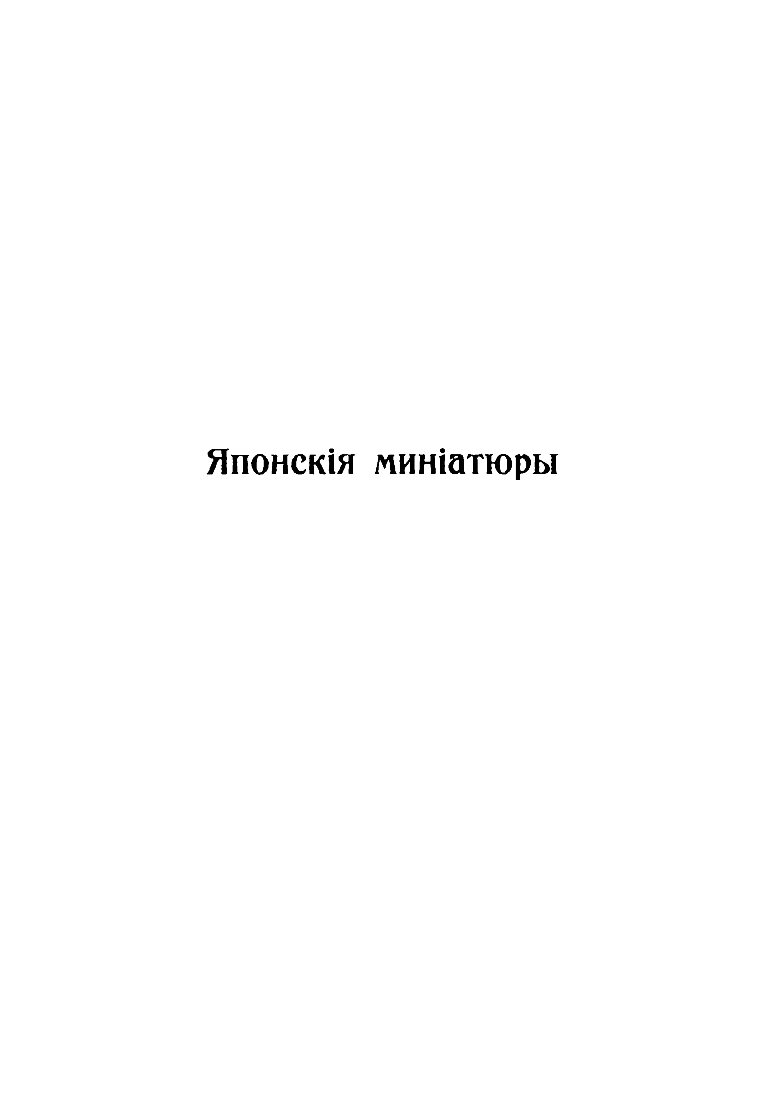
ПЛОВЕЦЪ

Пловецъ! во тьмѣ, на гибельномъ пути
Стремишься ты... куда? Оставь старанья!
Споръ съ безпощаднымъ рокомъ прекрати!
Пойми, глупецъ: нѣтъ упованья,
О, жертва бѣдная пучинъ,—
Исходъ одинъ, исходъ одинъ!

3

Когда умру, снесите той привѣтъ,
Изъ за кого я ранней взятъ могилой,
Скажите ей: онъ былъ отвергнутъ милой
И оттого отвергнулъ жизни свѣтъ.

Японскія миніатюры

1

Ночью свѣтлою къ морю выйдемъ тихой стопой!
Посмотри, дорогая, красота вкругъ какая!..
Какъ паукъ паутиной, серебряной мглой
Дольній міръ и небесный заткалъ мѣсяцъ чудесный;
Какъ брилльянты, песчинки горятъ подъ ногой...

2

Пепельный стелется сумракъ, бѣлымъ туманомъ
повитый.
Шепчется съ вѣтромъ тростникъ. На Сао взды-
маются волны...
Тихо тебя ожидая, стою я, томленія полный...
Слышу пронзительный крикъ чайки, во мракѣ
сокрытой.
Страсть и тревогу, и гнѣвъ въ крикѣ ея узнаю:
Ждетъ, какъ и я, въ нетерпѣньи, она тамъ по-
другу свою.

3

Далекò отъ тебя я взираю на небо,
На вечернее небо, отъ тоски умирая...
О, когда бы сталъ зеркаломъ мѣсяцъ тотъ блѣдный,
Чтобы въ немъ я ỳвидѣлъ образъ твой, дорогая!

4

Въ долины свѣжія вечернею порою
Спустился для тебя фіалокъ я нарвать...
Но... пѣли соловьи, стояла благодать
Такая, что ушелъ я лишь съ зарею.

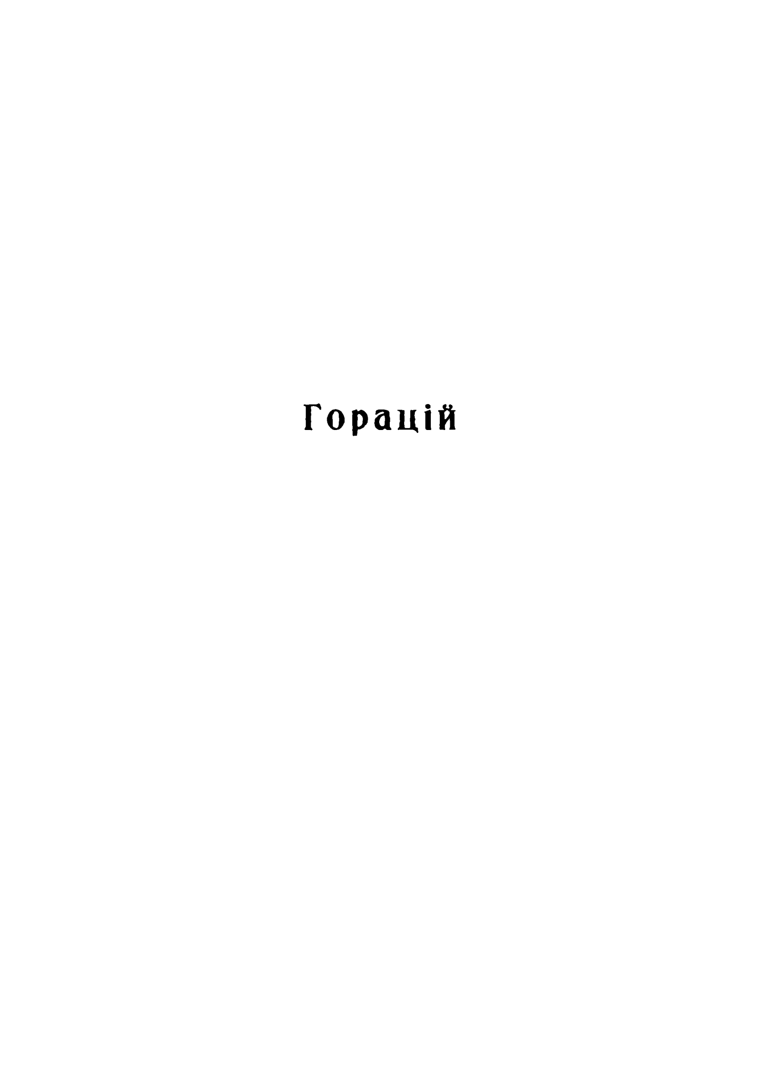
5

Пока землей не скрыта я могильной,
Позволь глядѣть въ лицо твое умильно!
Запечатлю на сердцѣ образъ твой—
И въ вѣчность упорхну, умчавъ его съ собой.

Изъ Бодлэра

СОБАКА И ФЛАКОНЪ СЪ ДУХАМИ

Поди ко мнѣ, мой смирный, добрый песъ!
Безцѣнные духи въ флаконѣ этомъ.
Понюхай ихъ, давай свой носъ! Ну, что?
Мой песъ рычитъ и скалитъ зубы гнѣвно...
О, жалкій песъ! Ты гадость бы сожралъ,
Флаконъ же мой тебя приводитъ въ ярость.
Съ толпою, песъ, ты сходенъ: никогда
Не слѣдуетъ ей тонкихъ ароматовъ
Преподносить; лишь мерзость ей по вкусу.

Горацій

КЪ МУЗѢ

(Кн. 3, ода 30)

Воздвигъ я памятникъ могучій!
Вознесся, царственный, онъ выше пирамидъ!
Твердѣе мѣди онъ! Его не сокрушитъ
Ни ѣдкій дождь, ни Аквилонъ летучій!

Не весь умру я! Часть меня большая
Спасется славою! И буду жить,
Доколѣ дѣва [1]) будетъ восходить
Въ Капитолійскій храмъ, жреца сопровождая [2])!

И скажутъ обо мнѣ, гдѣ Давнъ суровый жилъ,
Гдѣ мчится Ауфидъ [3]), бушуя, многоводный,

---

[1]) Весталка.

[2]) Ежегодное торжественное шествіе верховнаго жреца и старшей весталки въ Капитолій для принесенія жертвъ Вестѣ и Юпитеру.

[3]) Рѣка въ Апуліи, родинѣ Горація.

Что стихъ нашъ трудный я переложилъ
На Эолійскій, дивный и свободный [1]).

О, Муза, гордость должную имѣй
И лавромъ голову Дельфійскимъ мнѣ обвей!

—•—•—

[1]) Горацій главной заслугой своей считалъ то, что первый ввелъ въ родную поэзію благозвучные размѣры, употреблявшіеся Эолійскими пѣвцами.

КЪ МУЗѢ

(Варіантъ перевода)

Я мавзолей себѣ сооружилъ чудесный!
Онъ фараоновыхъ превыше пирамидъ!
Твердѣе мѣди онъ! Его не сокрушитъ
Ни ѣдкій дождь, ни ураганъ небесный!

Не весь умру я! Часть меня большая
Спасется! Буду вѣчно-юный жить,
Доколѣ дѣва будетъ восходить
Въ Капитолійскій храмъ, жреца сопровождая!

И скажутъ обо мнѣ, гдѣ проложилъ
Путь бурный Ауфидъ, гдѣ Давнъ [1]) царилъ безводный,

---

[1]) Давнъ—миѳическій царь Апуліи. Возможно также, что рѣчь идетъ о существовавшей нѣкогда рѣкѣ того же имени. Такое предположеніе внушается характернымъ эпитетомъ «pauper aquae», а равно—самимъ противоположеніемъ «маловоднаго» Давна «бурному» Ауфиду.

Что лиры Эолійской звукъ свободный
Я въ пѣсни Италійскія вложилъ.

О, Муза, гордость должную имѣй
И лавромъ голову Дельфійскимъ мнѣ обвей!

—•—•—

КЪ МЕЛЬПОМЕНѢ

(Кн. 4, ода 3)

Тотъ, на кого при рожденьи твой благосклонный
упалъ лишь
Взоръ, Мельпомена [1]), въ Истмійской славенъ не
будетъ борьбѣ,
На колесницѣ Ахейской не понесется онъ бранной
И въ Капитолій не вступитъ, лавромъ Дельфійскимъ
увитый,
Къ повиновенью оружьемъ дерзкихъ приведшій
царей.
Бурно-бѣгущія воды Тибурскія, шумная сѣнь
Лѣса густого въ него гармонію вложатъ стиха.
Римомъ великимъ и я къ славному сонму поэтовъ
Нынѣ причисленъ—и зубомъ зависти меньше ку-
саемъ...
О, волшебница звуковъ лиры златой Эолійской!
Ты, что могла бы, когда только бы лишь захотѣла,
Рыбѣ безмолвной внушить дивную лебедя пѣснь!

---

[1]) Мельпомена—муза драмы и трагедіи, а также —лирической поэзіи.

Даръ это твой, что прохожихъ пальцами я указуюсь,
Какъ превосходнѣйшій лирикъ. Что пѣсни слагаю и что
Нравлюсь, коль нравлюсь, все это—дѣло, богиня, твое.

КЪ ВИРГИЛІЮ

(Кн. 1, ода 24)

Какая мѣра скорби можетъ быть
По томъ, кто дорогъ былъ намъ безконечно?
О, Мельпомена, научи рыдать
        На лирѣ пѣснью!

Итакъ, ужели вѣчный овладѣлъ
Квинтиномъ сонъ? Кого же намъ укажутъ
Стыдливость—Добронравія сестра,
        Святая Вѣрность,

Правдивость неизмѣнная—кого
Достойнаго укажутъ съ нимъ сравниться?
Ахъ, многихъ огорчилъ его конецъ,
        Заставивъ плакать,—

Но горше всѣхъ твой неутѣшный плачъ.
Твоимъ очамъ не высохнуть, Виргилій!
Напрасно сталъ бы небо ты молить
        Вернуть Квинтина:

Хотя бы ты на лирѣ заигралъ,
Звончѣй Орфеевой, деревьямъ внятной,
Горячей не исполнишь крови вновь
Туманный призракъ,

Къ нѣмому сонму золотымъ жезломъ
Меркурія направленный... Лишь время,
Виргилій, горе сдѣлаетъ твое
Переносимымъ.

КЪ САМОМУ СЕБѢ

(Кн. I, ода 34)

Въ безумство мудрости я уклонился,
И неусердно сталъ я почитать
Безсмертныхъ... Нынѣ долженъ руль поспѣшно
Я повернуть и старый путь искать,
Дабы обрѣсть спасенье...

Затѣмъ, что въ ясномъ небѣ надо мной
Творецъ на колесницѣ прогремѣлъ—
И содрогнулись земли и моря,
Пріютъ Тенара мрачный и предѣлъ
Атланта отдаленный...

Все можетъ Богъ: вознесть и преуменьшить!
Онъ мраку свѣтъ и свѣту мракъ даетъ.
Незримо хищная Судьба надъ нами
Кружитъ: внезапно тутъ вѣнецъ сорветъ,
Опуститъ тамъ, ликуя...

КЪ ДРУЗЬЯМЪ

(Кн. 1, ода 37)

Настало время, други, пить
И ликовать! Теперь мы можемъ
Ногой свободной землю бить.
Салійскій [1]) радостно возложимъ
Огонь на жертвенникъ боговъ,
Цекубское изъ погребовъ
Прадѣдовскихъ вино достанемъ;
Торжествовать не перестанемъ
Мы избавленья свѣтлый день!
Опасности висѣла тѣнь
Надъ Рима крѣпостью священной,
Пока царицей дерзновенной [2])
Съ толпою евнуховъ [3]) презрѣнной
Странѣ готовился ударъ...
Но охладилъ царицынъ жаръ
Корабль единый уцѣлѣвшій;
Въ трезвѣйшій кинулъ Кесарь страхъ
Духъ, въ Мореонтскихъ [4]) угорѣвшій.

---

[1]) Салійскіе дары—особенно пышные.
[2]) Клеопатрой.
[3]) Тѣлохранители—евнухи.
[4]) Мореонтскихъ (египетскихъ) винахъ.

Ахъ, какъ на славныхъ парусахъ
Гналъ онъ врага!.. Такъ въ небесахъ
Голубокъ ястребъ гонитъ нѣжныхъ,
Охотникъ зайца такъ на снѣжныхъ
Травитъ Гемоніи поляхъ.

Но честь спою и Клеопатрѣ гордой!
Отчаянью не давшись, не ввела
Проворный въ сердце мечъ. Съ душою твердой,
Съ улыбкой смерть иную приняла:
Къ груди своей прекрасной смертоносныхъ
Безстрашно змѣй преподнесла...
За колесницей не пошла
Великая жена, въ цѣпяхъ несносныхъ!

КЪ СЕПТИМІЮ

(Кн. 2, ода 6)

За мной, Септимій, радъ ты всюду: въ Кадисъ [1]),
Къ Кантабрамъ непокорнымъ, къ Сиртамъ дикимъ,
Туда, гдѣ Мавританскій злобный валъ
Бушуетъ вѣчно...

О, если бы основанный Аргосцемъ [2])
Тибуръ пріютъ мнѣ оказалъ подъ старость!
Покойно тамъ почилъ бы я навѣкъ
Отъ треволненій.

Когда же Паркъ на то не будетъ воля,
Отправлюсь я къ прозрачному Галезу [3]),
Гдѣ важно возлежатъ овецъ стада
Роскошно-рунныхъ,

---

[1]) Кадисъ—нынѣшній Кадиксъ.

[2]) Тибуртомъ.

[3]) Галезъ—рѣка вблизи Тарента.

На тѣ мѣста, бродилъ Фалантъ [1]) по конмъ.
Ахъ, лучезарнѣй всѣхъ другихъ на свѣтѣ
Мнѣ кажется прекрасный этотъ край!
Тамъ медъ не хуже

Гимедскаго, олива же поспоритъ
Съ Венафрскою; зима—всего короче,
Весна—всего длиннѣй тамъ; Аулонъ [2])—
Тамъ свѣтлый, Вакху

Любезный, сокомъ славный превосходнымъ...
Зовутъ съ тобой насъ тѣ холмы и долы
Блаженные! Тамъ оросишь слезами
Поэта прахъ.

---

[1]) Фалантъ — изгнанный царь Спартанскій, основавшій Тарентъ.

[2]) Аулонъ—холмъ близъ Тарента, покрытый виноградниками.

КЪ ПОМПЕЮ ВАРУ

(Кн. 2, ода 7)

Первый мой другъ и товарищъ, Помпей, неразлучный со мной
На полѣ смерти, когда Брутъ предводилъ нами славный!
Ты, съ кѣмъ за чашей не разъ коротали мы скучный досугъ,
Кудри волосъ умастивъ мvрромъ сирійскимъ! Кто нынѣ
Небу родному тебя полноправнымъ квиритомъ вернулъ?
Мы пережили съ тобой день, какъ бѣжали позорно
Наши ряды [1]). Подбородкомъ доставъ обагренной земли,

---

[1]) Извѣстно, что республиканцы потерпѣли подъ Филиппами (въ 42 г.) полное пораженіе, и войско ихъ (въ которомъ двадцатидвухлѣтній Горацій командовалъ легіономъ, въ качествѣ военнаго трибуна) бѣжало въ позорномъ безпорядкѣ. Объ этомъ, не столько личномъ, сколько общемъ, позорѣ и вспоминаетъ Горацій («tecum Philippos et celerem fugam sensi»), создавая попутно, въ духѣ Гомера, безсмертный образъ Меркурія, уносящаго поэта въ облакѣ съ поля сраженія.

Взоромъ грозили врагу храбрые... Прочіе жъ
быстрымъ
Бѣгствомъ спасались... Туманомъ поэта Меркурій
густымъ
Скрылъ и сквозь вражескій строй дивно пронесъ,
благосклонный;
Ты же въ кровавое море умчался за новой волной...
Жертвы богамъ принеси! Доблестной службой
военной
Плоть изнуренная мирно теперь отдохнетъ подъ
моимъ
Лавромъ [1])! Вина у меня станетъ! Испробуй Массійской
Влаги роскошной, несущей забвеніе легкое! Лей
Изъ перламутровыхъ чашъ благоуханій нѣжнѣйшихъ!
Кто же изъ мирта скорѣе вѣнковъ приготовитъ
для насъ?
Въ распорядители кто избранъ Венерою [2]) будетъ?
Пить я намѣренъ не хуже Эдоновъ свирѣпыхъ!
Хочу
Я веселиться вполнѣ, друга возвратъ торжествуя!

Часть бѣжавшихъ отправилась въ Сицилію къ Сексту Помпею. Въ числѣ послѣднихъ былъ и Помпей Варъ, впослѣдствіи, вмѣстѣ съ другими, прощенный, возвращенный на родину и награжденный званіемъ квирита—полноправнаго римскаго гражданина.

[1]) Лавровое дерево было посвящено Аполлону—богу поэтовъ.

[2]) Распорядитель пира выбирался по жребію. Кому удавалось сразу выбросить кости съ цифрами: 1, 3, 4 и 6, тотъ считался избраннымъ «жребіемъ Венеры».

КЪ ГИРПИНІЮ КВИНЦІЮ

(Кн. 2, ода 11)

Брось, Гирпиній Квинцій, думать о томъ непрестанно,
Что замышляютъ Кантабры, или свирѣпые Скиѳы!
Не убивайся чрезмѣрно! Немногое смертному
нужно!
Молодость прочь убѣгаетъ, коль старость скучная
станетъ
Рядомъ вздыхать. Не вѣчно нѣжной красою бли-
стаютъ
Розы весеннія, мѣсяцъ мѣняетъ свой ликъ сере-
бристый...
Что же заботами вѣчными мы утруждать себя бу-
демъ?
Лучше, выпьемъ, давай, подъ этимъ прилегши пла-
таномъ,
Или подъ той, вонъ, сосной, власы увѣнчавши сѣдые
Розами и благовоннымъ нардомъ натершись! Заботы
Мрачныя гонитъ вино! Налей намъ Фалернскаго,
мальчикъ!
Уединенную кто же камелію выманитъ, Лиду,

Изъ дому? Съ лирой (скажи!) своей пусть придетъ
сладкогласной,
Волосы наскоро въ узелъ скрутивъ по-спартански
небрежный!

КЪ ДЕРЕВУ

(Кн. 2, ода 13)

Тотъ, кто тебя посадилъ, о, дерево, намъ на погибель,
Въ позоръ всей деревнѣ, да будетъ онъ проклятъ, злодѣй!
Вѣрить готовъ я, что шею отцу сокрушилъ онъ родному;
Навѣрное, съ ядами дѣло, мерзавецъ, имѣлъ—
Онъ, посадившій, взрастившій преступное дерево это,
Внезапно упавшее прямо на голову мнѣ [1]).
Кто изъ насъ знаетъ, какую судьба намъ погибель готовитъ?
Страшнѣй моряку Карѳагенскому нѣтъ ничего
Ярыхъ Босфора пучинъ; стрѣлъ лишь парфянскихъ боится
Нашъ воинъ, Парфянамъ лишь наши когорты грозны...

---

[1]) Поэтъ вспоминаетъ про дѣйствительный случай паденія на него дерева въ Сабинѣ—случай, едва не стоившій ему жизни.

Но съ неожиданной смерть стороны къ намъ приходитъ случайно.
Едва не увидѣлъ и я Прозерпины предѣлъ,
Чуть не отправился въ гости къ Эаку, въ жилище блаженныхъ,
Сафо̀ гдѣ скорбитъ на струнахъ Эолійскихъ, Алкей [1])
Гдѣ воспѣваетъ смычкомъ золотымъ всѣ несчастья людскія,
И тѣни дивятся, въ безмолвьи, внимая пѣвцамъ,
Тѣсно прижавшись другъ къ другу плечами, въ забвеньи блаженномъ...
Еще бы! когда и стоглавый ужаснѣйшій песъ [2])
Уши развѣсилъ, плѣненный, и змѣи просунули главы
Изъ властъ Эвменидъ, въ восхищеніи, и Прометей,
Та̀нталъ про муки забыли, отдавшись тѣмъ звукамъ прекраснымъ,—
О рысяхъ трусливыхъ и львахъ позабылъ Оріонъ [3]).

—•—•—

[1]) Знаменитая Сафо и Алкей, оба изъ Митилены,—эолійскіе пѣвцы.

[2]) Церберъ.

[3]) Звѣроловъ.

КЪ МЕЦЕНАТУ

(Кн. 2, ода 20)

Вознесусь я, двуликій[1]) поэтъ, на чудесныхъ крылахъ
Въ небеса, съ ихъ эфиромъ смѣшаюсь безбрежнымъ!..
Утомленъ я землей, городами; наскучилъ мнѣ прахъ!
Но Аиду не дамся, не сгину въ Стигійскихъ струяхъ!
Вотъ ужъ пухомъ, гляди, обрастаю я нѣжнымъ!
Бѣлой вѣщею птицей я сталъ и крыла распростеръ [2])...
Полечу я быстрѣй и счастливѣй Икара!
Съ пѣснью радостной, звонкой умчусь на шумящій Босфоръ,
Сирты я посѣщу, Гиперборіи дальней просторъ,
Колхидяне узнаютъ меня, что удара
Отъ Марсійцевъ ждутъ въ страхѣ всечасномъ; узнаютъ меня
И Дакійцы, услышатъ пѣвца и Гелоны,
И Испанцы...

---

[1]) Эпитетъ, объясняемый различно. Возможно — намекъ на двусложность поэта вообще, удивительно сочетающаго въ себѣ высшее и низшее, приверженность къ праху и устремленіе горѣ, ликъ обыденный и ликъ чудесный. Та же мысль выражена Пушкинымъ въ его знаменитомъ «Пока не требуетъ поэта»...

[2]) Превращеніе въ лебедя—символъ безсмертія.

Безшумна пусть будетъ кончина моя!
Отпѣванье излишне и плачъ похоронный...
Не рыдай, Меценатъ, надо мною, напрасно скорбя!..
Воспрети торжества, воздыханья и стоны!

КЪ ХОРУ ДѢВЪ И ЮНОШЕЙ

(Кн. 3, ода 1)

Пошлую чернь ненавижу и прочь отъ себя от-
гоняю!
Внемлите звукамъ, доселѣ неслышаннымъ вами!
Служитель
Музъ вдохновенный, пою для дѣвъ и для юношей я.
Грознымъ присвоена власть царямъ надъ стадами
народовъ,
А надъ царями самими Юпитеръ державнѣйшій
есть,
Преодолѣвшій гигантовъ и брови однимъ мано-
веньемъ
Правящій всѣмъ.
Разсадить искусно умѣетъ кусты
Тотъ, а другой, благороднѣе, въ полѣ рыщетъ
за славой,
Третій, еще благороднѣй, споритъ съ другими
душой,
Нужно четвертому только кліентовъ побольше...
Но Смерть

Равной рукой вынимаетъ жребій для низкихъ и славныхъ.
Урна вмѣщаетъ обширная всякое имя. Надъ чьей
Мечъ головой, обреченной, повиснулъ, тому не доставятъ
Вкуса пріятнаго яства Сициліи; пѣніе птицъ,
Лира и флейта тому грезъ золотыхъ не навѣютъ.
Сладкій не брезгаетъ сонъ подъ низкую кровлю влетѣть;
Берегъ отраденъ ему тѣнистый и Темпе долина—
Рѣзвыхъ Зефировъ пріютъ. Того, кто доволенъ немногимъ,
Не безпокоятъ созвѣздья: ни грозный Арктура заходъ,
Ни восходящаго Эда [1]) ярость; тому не внушатъ
Горя ни лозы побитыя, ни обманувшее поле,
Ни—пустыя вѣтви деревьевъ, винящія то
Дождь, то созвѣздій вражду, то стужу суровой зимы.
Рыбы въ смятеньи ужаснѣйшемъ: моря просторъ уменьшается:
То—повелитель земли (подрядчикъ съ толпою рабовъ)
Въ море громаду камней бросаетъ [2]). Но Страхъ и Тревога
Мстятъ повелителю міра, идя слѣдомъ за нимъ.
Мрачная мчится Забота на мѣдью обитой триремѣ
И за спиною сидитъ всадника.
Если жъ тебя

[1]) Арктуръ и Эдъ—созвѣздія Козерога и Медвѣдицы, предвѣщавшія по убѣжденію Римлянъ бурю.
[2]) Для морскихъ сооруженій.

(Коль опечаленъ и страждешь) не могутъ развлечь ни Фригійскій
Мраморъ, ни вина Фалерна, ни пурпуръ, ярчайшій зари,
То̀ воздвигать ли, скажи, мнѣ атріумъ великолѣпный,
Въ стилѣ новѣйшемъ, съ притворомъ, дразнящимъ завистливый взоръ?
И для богатства и роскоши, блѣдной заботой хранимыхъ,
Мнѣ разставаться ли съ ясной долиной Сабинской моей?

КЪ АСТЕРІИ

(Кн. 3, ода 7)

Зачѣмъ, Астерія, ты плачешь по Гигинѣ?
Весной вернутъ тебѣ его Зефиры,
Обогащеннаго Виѳнійскою [1]) добычей
И вѣрнаго тебѣ.

Теперь въ Орикумѣ, подъ бурнымъ Козерогомъ,
Проводитъ ночи онъ въ тоскѣ, въ слезахъ обиль-
ныхъ,—
Межъ тѣмъ, какъ посланный его хозяйки юной,
Влюбившейся въ него,

Приходитъ, что ни день, и говоритъ о Хлоѣ,
Что, бѣдная, горитъ и страждетъ безконечно,
И всячески его, коварный, искушаетъ:
О Прета [2]) говоритъ

---

[1]) Виѳинія--въ Малой Азіи, славилась торговлей.

[2]) Анція, жена Аргивскаго царя Прета, была влюблена въ цѣломудреннаго Беллерофонта; по ея наговору Претъ послалъ Беллерофонта на бой съ Химерой. Беллерофонтъ побѣдилъ чудовище.

Женѣ, которою Беллерофонтъ былъ посланъ
На смерть, судьбу потомъ Пелея [1]) вспоминаетъ,
Чуть не погибшаго за то, что Ипполиту
Упорно избѣгалъ,

И сочиняетъ самъ, лукавый, небылицы
Разнообразныя, чтобъ соблазнить Гигина:
Напрасно, ибо скалъ нѣмѣе Икарійскихъ
Внимаетъ тотъ ему.

Но берегись и ты, Астерія, чтобъ больше,
Чѣмъ надо, Энипей тебѣ не приглянулся.
Хоть, правда, не найти другого, кто конемъ бы
Владѣлъ искусно такъ,

И превосходитъ всѣхъ онъ въ плаваньи по Тибру,
Но... лишь наступитъ ночь, дверь запирай покрѣпче
И звукамъ не внимай тебя зовущей флейты,
И недоступна будь!

---

[1]) Ипполита — жена Өессалійскаго царя Ацеста, царица Амазонокъ. Оклеветанный ею, Пелей былъ брошенъ Ацестомъ на съѣденіе дикимъ звѣрямъ, но былъ спасенъ богами.

КЪ КЛЮЧУ БАНДУЗІЯ

(Кн. 3, ода 13)

Ключъ Бандузія свѣтлый, кристалла чистѣйшій, достойный
Жертвы виномъ и цвѣтами, тебѣ принесу [1]) я козленка,
Плоскій котораго лобъ, вспухшій отъ юныхъ рожковъ,
Драки сулитъ и любовь—но даромъ! зане обагритъ онъ,
Рѣзваго стада потомокъ, нѣжно-пурпурною кровью
Берегъ зеленый. Тѣнистый! Ты не боишься засухи.
Жадныхъ ты щедро поишь хладной струею воловъ,
Тяжкимъ ярмомъ удрученныхъ, и глупое стадо овечье.
Будешь славнѣйшимъ изъ всѣхъ источниковъ ты, коль могучій
Дубъ воспою, что возросъ на скалахъ пещерныхъ, откуда
Мчатся, блестя и смѣясь, звонкія воды твои.

---

[1]) Въ жертву.

КЪ ХЛОРѢ

(Кн. 3, ода 15)

Время безчинствамъ твоимъ конецъ положить бы, супруга
Ивика! Близкая къ смерти, играть перестань суетливо
Съ дѣвами въ игры веселыя и простирать надъ звѣздами
Свѣтлыми облако! То, что юной пристало Фалеѣ,
Хлора, тебѣ не къ лицу! Оставь же съ твоей состязаться
Дочерью, нимфѣ подобной, на зовъ бѣгущей тимпана!
Нѣжной рѣзвится она козочкой, втайнѣ сгорая
Къ Ноту любовью; тебѣ же, старуха беззубая, только
Пряжа шерсти прилична, добытой въ Люцеріи славной,
А не гитара, не пурпуръ яркій, не пѣсня, не пляска
И—не бокалы, до дна въ-разъ осушаемые!

КЪ ТЕЛЕФУ

(Кн. 3, ода 19)

Ты говоришь намъ о томъ, Йнахъ [1]) родился когда,
Кодръ когда умеръ [2]), о родѣ Эаковомъ [3]) ты
повѣствуешь,
Объ Иліонской священной воспоминаешь войнѣ...
Но молчишь ты: кувшинъ Хіосскаго нынѣ что
стоитъ,
Баню кто вытопитъ намъ, дровъ раздобуду гдѣ я,
Мнѣ не погибнуть дабы ότъ Пелигнійскихъ мо-
розовъ.
Мальчикъ! Налей намъ вина; въ честь новолунія
выпьемъ!
Въ чаши вливай или пò три ціата, иль три раза
столько жъ!
Кто поклоняется Музамъ, тотъ, вдохновенный
поэтъ,

---

[1]) Инахъ—выходецъ изъ Египта, первый царь Аргивскій.

[2]) Кодръ—послѣдній царь Аѳинскій.

[3]) Эакъ, царь Эгинскій, отецъ Пелея и Теламона, дѣдъ Ахиллеса и Аякса; былъ, за свою мудрость, сдѣланъ судьей въ царствѣ тѣней.

Девять [1]) требуетъ, Грація жъ, голыхъ сестеръ
обнимая,
Проситъ—не болѣе трехъ [2]), нѣжная, ссоръ опасаясь.
Люблю безумствовать! Флейты фригійской не слышу
зачѣмъ?
Лира безмолвная что̀ даромъ виситъ на стѣнѣ?
Руки прочь скупыя: розы безъ счету разсыпь!
Съ завистью слушаетъ пусть Люцій, съ женою,
старикъ
Шумъ безобразный! Телефъ! Не молодая уже,
Родэ пылаетъ любовью къ тебѣ, лучезарному утру,
Къ юной Глицерѣ любовь сердце сжигаетъ мое.

---

[1]) По числу Музъ.
[2]) По числу Грацій.

КЪ АМФОРѢ

(Кн. 3, ода 21)

О, драгоцѣнный кувшинъ, родившійся въ свѣтъ,
как и я,
Въ консульство Манлія [1])! Что бы, открытый, ты
намъ ни принесъ:
Шутки ль веселыя, ссору ль, пылкую ль страсть,
или сонъ,
Что бы то ни было — ты дòлженъ явиться се-
годня
И превосходнымъ Массійскимъ Корвина [2]) виномъ
угостить.
Онъ, хоть пропитанъ, суровый, какъ слышно,
ученьемъ Сократа,—
Не презираетъ вина, дà, говорятъ, самого
Славнаго доблесть Катона пòдогрѣвалась винòмъ!
Дивно ты мысли живишь, мигомъ выводишь на-
ружу

---

[1]) Горацій родился въ 689 г. отъ основанія Рима (65 г. до Р. Х.), въ консульство Манлія Торквата.

[2]) Валерій Корвинъ—военачальникъ. Въ старости изучалъ реторику и философію.

Мудрыхъ заботы и хитрыхъ тайные ковы, надежду
Скорбной душѣ возвращаешь, духъ придаешь бѣдняку,
И, упоенный тобой, не боится онъ царской тіары.
Да окружаютъ тебя Вакхъ вѣчно-юный, Венера
(Если нашъ пиръ навѣститъ), Грацій [1]) стыдливыхъ семья
(Что̀ не рѣшаются страстныхъ разверзнуть объятій)—пускай
Факеловъ рѣзвое пламя тебя обливаетъ, доколѣ
Звѣздъ не прогонитъ съ небесъ Феба приходъ лучезарный.

—•➤—◄•—

[1]) Граціи, неизмѣнныя спутницы Вакха и Венеры, никогда не снимаютъ своихъ поясовъ.

КЪ ВАКХУ

(Кн. 3, ода 25)

Вакхъ, куда увлекаешь меня, вдохновленнаго, ты?
Въ дебри какія, рощи, пещеры бѣгу я, полный
Звуковъ неслыханныхъ, славу великаго Цезаря къ звѣздамъ
Намѣреваясь взнести? Смѣло я воспою
Вещи, ничьими устами не пѣтыя! Какъ бы вакханка,
Что̀ предъ холмами стоитъ Ѳракійскими въ оцѣпенѣньи,
Свѣже-покрытыми снѣгомъ, и предъ горою Родопской,
Варвары гдѣ ужъ прошли, такъ буду, въ забвеньи, блуждать
Я возлѣ рѣкъ гремящихъ и въ рощахъ пустынныхъ... Могучій
Царь, повелитель наядъ и вакханокъ, которымъ легко
Сильными ясень высокій вывернуть съ корнемъ руками!

Пѣть ничего я не буду ничтожнаго низкимъ стихомъ!
Смертнаго не воспою ничего! О, Вакхъ, какъ пріятно-
Страшно мнѣ мчаться за богомъ, покрывшимъ главу виноградомъ!..

КЪ ГАЛАТЕѢ

(Кн. 3, ода 27)

Пусть злыхъ пугаетъ вѣщая сова,
Иль щенная собака, иль волчица,
Съ Ланувскаго несущаяся поля,
Пусть перерѣжетъ имъ змѣя дорогу,
Въ страхъ приведя коней [1],—

А я молитвой отзову ворону
Съ востока, старую, и прежде, чѣмъ
Бѣду накличетъ,—загоню назадъ,
Въ стоячее болото [2]. Галатея,
Будь счастлива вездѣ,

Гдѣ бъ ни была, меня не забывая!
Да будетъ нетревоженъ путь тебѣ!

---

[1]) Сова и все проч.—дурныя предзнаменованія.

[2]) Увидѣть ворону съ восточной стороны—не къ добру.

Но, посмотри, созвѣздье Оріона,
Спустившееся къ морю, грозно какъ,
Зловѣщее, сверкаетъ!

Адріатическая бездна мнѣ
Извѣстна, ярая, и знаю, сколь
Сѣверозападный опасенъ вѣтеръ.
Пусть уши непріятеля услышатъ
Поднявшійся порывъ

Грозы и шумъ бушующаго моря,
Внезапно почернѣвшаго, и стоны
Дрожащихъ отъ его ударовъ скалъ!..
Такъ нѣкогда Европа, легковѣрно
Коварному быку

Отдавши тѣло бѣлое, взирала
На море, страховъ полное, блѣднѣя...
Еще недавно средь луговъ она
Плела вѣнокъ, подарокъ нимфѣ пышный,
А нынѣ предъ собой

Лишь звѣзды видитъ гнѣвныя, да волны...
Едва къ стоградному пристала Криту,
Воскликнула, слезами заливаясь:
„О, мой отецъ! О, дѣвушки невинной
„Потерянное мной

„Названье, о, въ бреду самозабвенномъ
„Погубленная честь! Куда, откуда,
„Зачѣмъ пришла я? Смерти мало мнѣ,
„Негодной! Наяву ли плачу я,
„Иль надо мной смѣется,

„Свободной отъ порока, сонъ пустой,
„Который сквозь врата слоновой кости
„Приноситъ стоны намъ [1])? Не лучше ль было,
„Чѣмъ по невѣдомымъ нестись волнамъ,
„Мнѣ рвать цвѣты? О, если бъ

„Тотъ ненавистный мнѣ попался быкъ!
„Я растерзала бы его, рога
„Сломала бы чудовищу, недавно
„Столь обожаемому мною. Горе!
„Несчастная, ушла

„Я отъ пенатовъ, убѣжавъ позорно,
„И все еще не умерла. О, боги!
„Услышьте, милосердые, меня
„И голую меня отдайте львамъ!
„Хотѣла бы теперь же,

„Пока красива, пищей послужить
„Я тиграмъ: послѣ страшная худоба
„Прекрасные мои обтянетъ члены...
„Отсюда слышу бѣднаго отца [2])
„Я горькіе упреки:

— „Зачѣмъ ты медлишь умереть? Ты можешь
„На ясени повѣситься легко;
„По счастью, при тебѣ остался поясъ.
„Иль, если ты предпочитаешь скалы
„И камни, для тебя

---

[1]) Дурные сны проходятъ черезъ врата изъ слоновой кости, хорошіе—черезъ роговыя врата.

[2]) Отецъ Европы—Ѳракійскій царь Агеноръ.

„Отточенные славно, пусть на части
„Вихрь тѣло разорветъ твое о нихъ!
„Иль, можетъ, пожелаешь, дочь царя,
„Ты къ людямъ поступить чужимъ и быть
„Наложницей покорной

„Хозяина, хозяюшки жъ свирѣпой—
„Презрѣнною рабою?“ Между тѣмъ
Къ рыдающей Европѣ подошли
Съ улыбкою Венера и Амуръ,
Кудрявый, рѣзвый отрокъ,

Лукъ опустивъ... Довольно посмѣявшись,
Сказала ей богиня: „Воздержись
„Отъ гнѣва лютаго и нападенья
„На славнаго быка, когда подставитъ
„Рога тебѣ онъ самъ!

„Не знаешь, о, Европа, что супругой
„Могучаго Юпитера ты стала!
„Оставь рыданія и возгордись
„Великой честью: именемъ твоимъ
„Часть міра назовется!“

КЪ ЛИДІИ

(Кн. 3, ода 28)

Какъ бы достойнѣй провесть намъ день, посвященный Нептуну?
Строгое, Лидія, ты сердце сегодня сдержи
И дорогого вина Цекубскаго вынь изъ подъ спуда!
Клонится къ вечеру день, ты же изъ погреба несть
Медлишь кувшинъ, что еще при консулѣ Бибулѣ спрятанъ,
Словно мгновеннаго дня скорый не мчится побѣгъ.
Будемъ мы въ очередь пѣть сѣдого Нептуна сначала,
Зеленовласыхъ за нимъ мы Нереидъ воспоемъ,
Послѣ на лирѣ твоей, изогнутой, луку подобно,
Станешь печальную ты славить Латону [1]), въ слезахъ,
Легкія стрѣлы, затѣмъ, Діаны воспой быстроокой!

---

[1]) Латона, любимая Юпитеромъ, была всюду преслѣдуема Юноной. Она родила отъ Юпитера близнецовъ—Аполлона и Діану.

Самая высшая той [1]) будетъ пропѣта хвала,
Что̀ на суровомъ царитъ Книдосѣ и ярко-блестящихъ
Скалахъ Цикладскихъ и что̀ ѣздитъ въ ту̀манный Паѳосъ
На колесницѣ златой, везома толпой лебединой!..
Тихою пѣснью почтимъ синюю Ночь подъ конецъ.

[1]) Венерѣ.

КЪ МЕЦЕНАТУ

(Кн. 3, ода 29)

О, Меценатъ, потомокъ гордый Тирренскихъ царей!
Стараго мной для тебя вина приготовленъ боченокъ,
Розою пышной украшенъ; душистаго нарда натеръ
Я для волосъ. Торопись! Туманнымъ оставь любоваться
Полемъ Эѳуліи все и Телегона холмомъ,
Отцеубійцы [1])! Разстанься съ холодною роскошью! Близкій
Къ тучамъ дворецъ свой и дымъ, и блескъ, и богатство, и шумъ
Рима надменнаго брось! Очень отрадны бываютъ
Для богачей перемѣны. Скромный порою обѣдъ—
Не на пурпурныхъ коврахъ, подъ низкою кровлей—морщины

---

[1]) Мѣстность, окружавшая дворецъ Мецената въ Римѣ.

Уничтожаетъ чела тревожнаго...
Цефія свѣтъ
Надъ головою уже! Свирѣпствуетъ Прòкіонъ бурный!
Левъ сверкаетъ ужасный [1])!.. Солнце спокойное льетъ
Зной день за днемъ нестерпимый. Пастухъ для унылаго стада
Ищетъ надежную тѣнь въ объятьяхъ Сильвана густыхъ;
Берегъ лишенъ молчаливый дующихъ вѣтровъ прохладныхъ...
Ты озабоченъ, что̀ слѣдуетъ сдѣлать тебѣ для страны,
И, безпокоясь о Римѣ, прѐдугадать ты желаешь,
Что замышляютъ Сирійцы и Бактрія, въ коей царилъ
Киръ, и народы страны Придонской... Но тьмою густою
Предусмотрительный богъ кроетъ грядущаго даль
И усмѣхается, если смертный хлопочетъ чрезмѣрно.
Помни разумно устроить ты настоящее лишь,
А остальное, подобно водамъ рѣки, унесется,
Что̀ иль впадаетъ спокойно въ Этрусскаго моря просторъ,
Или же мчитъ съ быстротой яростной камни, деревья,
Скотъ и дома, оглашая горы кругомъ и лѣса
Шумомъ великимъ воды, русла покинувшей мѣру.
Жизнью владѣя живетъ, кто можетъ сказать, что ни день:

[1]) Созвѣздія, восхожденіе которыхъ, по мнѣнію Римлянъ, сопровождалось сильными жарами.

„Жилъ я! Пусть тучами вышній небо назавтра
покроетъ,
„Солнце ли выведетъ, о̀нъ нѐ уничтожитъ того
„И не измѣнитъ, что было."
Странною тѣшась игрою,
Милость мѣняетъ Судьба нѐпостоянная: то
Благоволитъ къ одному, то̀ переходитъ къ другому;
Я восхваляю ее, пока остается при мнѣ,
Только же прочь улетаетъ, ей возвращаю обратно,
Что̀ получилъ и, своею доблестью лишь облеченъ,
Съ бѣдностью честною я и̇ безъ приданнаго сча-
стливъ.
Не прибѣгаю къ мольбамъ я жалкимъ, коль мачта
трещитъ
Отъ нападающихъ бурь южныхъ, обѣтами щедро
Не ублажаю боговъ, въ страхѣ, что лишнихъ дадутъ
Жадному морю сокровищъ Кипра и Тира товары,—
Въ скромной плывущаго лодкѣ двухвесельной тихій
меня
Вѣтеръ проводитъ сквозь бури Эгейскаго грознаго
моря
И близнецовъ благосклонный Кастора и Поллукса [1])
свѣтъ.

—•⊳—⊲•—

[1]) Созвѣздіе Близнецовъ.

КЪ АНТОНІЮ [1])

(Кн. 4, ода 2)

Кто мечтаетъ, Антоній, съ Пиндаромъ, дерзкій, сравниться,
Тотъ летитъ на крыльяхъ, воскомъ скрѣпленныхъ, Икара,
Павшаго (жертвою солнца) въ свѣтло-прозрачное море.
Пиндаръ подобенъ потоку горному, что̀ изъ пещеры
Бьетъ глубочайшей и, ливнемъ вздутый, безмѣрно бушуетъ...
Лавровъ достоинъ равно онъ, смѣлые ль гимны слагаетъ,
Звуковъ полные новыхъ, или въ стихахъ унесется,
Вольныхъ отъ всякихъ законовъ, — боговъ ли онъ хвалитъ, царей ли,
Или потомковъ боговъ, отъ доблести коихъ погибли

---

[1]) Сынъ тріумвира Антонія, пасынокъ Октавіи. Незначительный поэтъ.

Правою смертью Центавры и пламя ужасной Химеры,—
Или бойца, иль коня, Элейской увѣнчанныхъ пальмой,
Славитъ, подарокъ даря имъ, тысячи статуй дороже,—
Или надъ юношей плачетъ, отнятымъ горькою смертью
У безутѣшной невѣсты и къ звѣздамъ его превозноситъ,
И похищаетъ его у чернаго Орка... Лишь только—
Лебедь Дирцеевъ [1])—взвился, онъ вихремъ подхваченъ могучимъ...
Я же, подобно пчелѣ прилежной Матинской сбирая
Сладкій съ усердіемъ медъ въ долинѣ и рощахъ Тибура,
Трудные соты свои лѣплю терпѣливо, ничтожный.
Твой величавый, Антоній, смычокъ моего громогласнѣй:
Лучше меня воспоешь ты великаго Цезаря славу,
Плѣнное войско Сигамбровъ [2]) когда за собой онъ потащитъ
Къ Капитолійской горѣ. Судьба и блаженные боги
Лучше и выше его не дали міру покуда
И не дадутъ никогда, хоть вновь на землѣ воцарился бъ
Вѣкъ золотой! Всенародное ты воспоешь ликованье,
Форумъ свободный отъ дѣлъ судебныхъ, публичныя игры...

---

[1]) Дирцея—источникъ близъ Ѳивъ, родины Пиндара.
[2]) Германское племя.

Если сумѣю и я что прибавить, достойное слуха,
Смѣло свой голосъ возвышу и радостно, Цезаря видя,
„О, прекрасное солнце! О, достохвальное!“—крикну,
И — покуда онъ будетъ мчаться — мы въ голосъ единый,
Граждане всѣ, возопимъ: „Тріумфъ! Тріумфъ!“—и безсмертнымъ,
Къ намъ благосклоннымъ весьма, пошлемъ фиміамъ приношеній.
Двадцать быковъ заколоть ты обязанъ. Меня же теленокъ
Выручитъ нѣжный, который, покинувъ сосцы, подрастаетъ—
Чтобы достойнѣй обѣтъ свой свершить мнѣ — на пастбищѣ тучномъ;
Новой лунѣ двоерогой, въ третій разъ лишь стоящей,
Онъ подражаетъ своихъ роговъ полукругомъ красивымъ;
Мѣтка на лбу бѣлоснѣжная; въ общемъ онъ— темножелтый.

—◆◆—

КЪ МАНЛІЮ ТОРКВАТУ

(Кн. 4, ода 7)

Снѣжный истаялъ покровъ. Зелень поля одѣваетъ.
Листъ распустился прозрачный. Рѣки вошли въ
берега.
Весть хороводы уже Грація голая смѣетъ
Съ нимфами-сестрами... Дней быстро-бѣгущихъ
чередъ
Напоминаетъ, Торкватъ, что мы не безсмертны!..
Зефиромъ
Вешнимъ смягчается зимній холодъ суровый, весну
Лѣто уводитъ съ собой, само погибая, лишь только
Щедрая осень разсыпетъ вокругъ золотые плоды;
Тамъ же наступитъ опять время зимы неподвиж-
ной...
Серпъ умирающій въ небѣ свой пополняетъ ущербъ;
Мы же, коль спустимся разъ туда, гдѣ Эней без-
подобный,
Туллій божественный гдѣ, гдѣ Анкъ благородный,
тотчасъ

Въ прахъ обратимся и тѣнь!.. Кто знаетъ, судили ль
намъ боги
Лишній прибавить хоть день къ суммѣ прожитыхъ?
Умремъ—
Въ руки живущихъ отъ насъ все перейдетъ безъ
остатка,
Что услаждало насъ тутъ... Только, сраженный, ты
палъ,
И надъ тобою Миносъ [1]) судъ возгласилъ безпо-
щадный—
Ни благочестье, ни родъ, ни краснорѣчія даръ,
Ахъ, не поможетъ ничто тебѣ возвратиться оттуда!..
Ибо Діана сама спасти не могла Ипполита [2]),
Нѣжнаго сердцемъ, Тезей скорбный не могъ ра-
зорвать
Несокрушимыхъ цѣпей на̀ дорогомъ Пириѳоѣ [3]).

---

[1]) Миносъ, Эакъ и Радамантъ—судьи въ царствѣ умер-
шихъ.

[2]) Діана покровительствовала Ипполиту, сыну Тезея, па-
сынку Федры.

[3]) Пириѳой, другъ Тезея, былъ прикованъ алмазными цѣ-
пями къ скалѣ въ Тартарѣ за намѣреніе похитить супругу
Плутона—Прозерпину.

КЪ ФИЛИССѢ

(Кн. 4, ода 11)

Есть у меня Албанскаго кувшинъ,
Ужъ въ погребѣ девятый годъ хранимый,
Есть для вѣнковъ въ саду моемъ, Филисса,
    Прекрасный сельдерей,

И плющъ зеленый есть, которымъ ты
Волосъ твоихъ связавъ роскошныхъ узелъ,
Блистаешь, Веспера звѣздѣ подобно...
    Сіяетъ серебромъ

Мой домъ. Вѣтвями мирта окруженный,
Алтарь пылаетъ и томится жаждой
Убитаго вкусить ягненка кровь.
    Снуютъ проворно слуги...

Трепещетъ пламя жертвенное; дымъ
Взвивается струею черной... Чтобы
Ты знала, на какое торжество
    Приглашена ты мною,

Скажу, что праздновать хочу я Иды—
Священный день, который пополамъ
Морской Венеры мѣсяцъ [1]) мокрый дѣлитъ;
Поистинѣ, онъ дня ·

Мнѣ радостнѣй рожденья моего:
Имъ начиная, дни себѣ и годы
Мой дорогой считаетъ Меценатъ.
Увы, Телефомъ юнымъ,

Котораго твой ищетъ взоръ напрасно,
Владѣетъ дѣва, не тебѣ чета.
Богатая, веселая, она
Его не отпускаетъ,

Пріятнѣйшей окрученнаго цѣпью...
Сожженный Фаэтонъ пускай отклонитъ
Тебя отъ неумѣренныхъ надеждъ,
Равно—Пегасъ крылатый,

Который смертнаго не потерпѣлъ
Наѣздника Беллерофонта: пусть
Тебя научатъ не мечтать о большемъ,
Чѣмъ слѣдуетъ тебѣ,

И—по себѣ искать... Приди, приди же
Ко мнѣ, моя послѣдняя любовь! [2])
Не буду я пылать уже къ другой!
Да лучшей мнѣ не надо!

---

[1]) Апрѣль.
[2]) Послѣдняя: поэту было тогда 52 года.

Ты жъ выучи побольше пѣсенъ; чудно
Твой голосъ ихъ передаетъ пріятный!..
Отрадно пѣнье: черныя оно
Заботы уменьшаетъ.

КЪ ВИРГИЛІЮ

(Кн. 4, ода 12)

Уже Ѳракійскій дуетъ вѣтеръ, рѣзвый
Весны посолъ, лаская моря грудь
И надувая паруса, уже
Зазеленѣло поле, ожилъ лѣсъ,
Текутъ лѣнивѣй рѣки.

Ужъ птица горемычная [1]), что̀ плачетъ
Объ Итисѣ, позоръ вѣщая вѣчный
Кекропса дому [2]), надъ гнѣздомъ хлопочетъ;
На свѣжемъ сидя дернѣ, пастухи
Играютъ на свирѣли

[1]) Ласточка.

[2]) Филомела, дочь Аѳинскаго царя Пандіона, происходившаго отъ основателя Аѳинъ Кекропса, обольщенная мужемъ сестры своей Прокны, Ѳракійскимъ царемъ Тереемъ, въ отмщеніе ему, вдвоемъ съ сестрой умертвили сына послѣдней и Тереева, Итиса, и изготовленнымъ изъ него кушаньемъ накормили Терея, — а сами бѣжали. Терей погнался за ними съ топоромъ, настигъ ихъ, но лишь поднялъ топоръ, какъ всѣ трое были превращены въ птицъ: Прокна въ ласточку, Филомела въ соловья, а Терей въ удода.

Прокна-ласточка щебечетъ, оплакивая Итиса. Филомела-

Сребристой и задумчиваго бога [1]),
Влюбленнаго въ холмы и долы темной
Аркадіи, пріятно веселятъ...
Виргилій, наступающіе дни
Несутъ съ собою жажду:

Когда желаешь ты вина отвѣдать,
Добытаго въ Калибахъ, ты его
Въ обмѣнъ за благовонія получишь:
За маленькую нарда банку дамъ
Тебѣ кувшинъ я цѣлый,

Что̀ у Сульпиція [2]) стоитъ пока,
Готовый щедро новыя надежды
Подать и смыть все горькое съ души;
Коли отъ той вкусить утѣхи радъ,
Съ твоимъ приди товаромъ!

А даромъ не могу тебя поить,
Любезный другъ: я не богачъ какой!
Спѣши же! Помня объ огняхъ подземныхъ,
Не избѣгай веселости! Должно̀
Порой развлечься.

соловей груститъ по ночамъ, изнывая отъ тоски обездоленной любви. Терей-удодъ стонетъ, скрываясь въ дуплахъ деревьевъ и ущельяхъ и пещерахъ горъ.

[1]) Пана—бога лѣсовъ, покровителя стадъ, особенно чтимаго въ Аркадіи («темной» вслѣдствіе изобилія хвойныхъ деревьевъ).

[2]) Виноторговецъ.

Добавленія

ФЕТУ

Пѣвецъ весеннихъ звуковъ,
Неуловимыхъ грезъ,
Очарованій чистыхъ;
Пѣвецъ любви и розъ!..

Ты, до сѣдинъ донесшій
Влюбленный юный духъ!
Орфей, завороживщій
Обвороженный слухъ!

Тебя раскрыть—и въ душу
Ворвется дивный сонъ:
И „травъ неясный запахъ“,
И сердца бредъ и стонъ...

Ты, звѣздами плѣненный,
Познавшій съ ними „связь“,
Ихъ полюбить нѣжнѣе
Заставившій и насъ!

О, чародѣй созвучій,
    О, тайновидецъ словъ,
О, пышный жрецъ, вѣнчавшій
    Природу и Любовь!

Все, все въ стихѣ зеркальномъ,
    Какъ въ лонѣ ясныхъ водъ,
Отражено, и жизнью
    Очищенной живетъ.

Къ тебѣ туда стремится
    Печальная душа
И оживаетъ снова,
    Поэзіей дыша...

Равно, и умъ спокойный
    Помедлить тамъ не прочь...
Съ тобою день яснѣе
    И лучезарнѣй ночь!..

Въ той сторонѣ привольно,
    Прозрачно и свѣтло! —
И „умереть не больно“,
    И жить не тяжело!

17 ноября 1912 г.

МЕФИСТОФЕЛЬ

1

Плащъ зловѣще-яркій,
Словно пламень адскій.
Ни купецъ, ни знатный,
Ни дѣлецъ, ни книжникъ,
Ни солдатъ, ни штатскій...

2

Эспаньолка. Брови
Сходятся у носа.
Башмаки и шпага;
Кружева и перья.
Очи смотрятъ косо...

3

Подбородокъ острый;
Зобъ трясется зыбкій;
На щекахъ румянецъ.

Тайно душу ранитъ
    Лезвіе улыбки...

4

Умъ безъ вдохновенья—
    Плоскій, трезвый, ясный.
Духъ тупой и хищный...
Гнусныя остроты—
    Хохотъ громогласный...

5

Блескъ очей нездѣшній...
    Хладъ рукопожатья.
Кошачьи повадки;
Мускулы стальные,
    Цѣпкія объятья...

6

Все умѣетъ, можетъ,
    Знаетъ все, что надо...
На землѣ хозяинъ.
Въ небеса жъ нѣтъ входа,
    Небеса—преграда.

7

Только крестъ увидитъ—
    Дрожи полонъ дикой,
Корчится всѣмъ тѣломъ...
Не боится смертныхъ—
    Трусъ передъ Владыкой.

19 ноября 1912 г.

•➤—◄•

Онъ былъ цвѣтущая весна,
Она—хладѣющее лѣто.
Его душа омрачена
Безумной страстью; лишь привѣта
Она спокойнаго полна.
Ужъ краски осени блистали,
Какъ сладкая сбылась мечта...
„Ахъ, что я сдѣлала!..“—шептали
Ея горящія уста...

„Разстаться лучше намъ!“—сказала
Она:—„Я для тебя стара.
„Прошла, прошла моя пора!..
„Мой другъ, вѣдь я уже увяла!
„Моя любовь не та, не та!..
„Да и люблю тебя едва ли“...
И онъ ушелъ... Не на всегда ли?..
„Ахъ, что я сдѣлала!..“—шептали
Ея дрожащія уста...

Онъ поспѣшилъ... Судьба свершилась!..
Она въ обитель удалилась...

Коса тяжелая снята...
О, какъ она перемѣнилась!
Теперь не та она, не та!..
Теперь стара она!.. Съ мольбою
Лежитъ безгласной у креста...
„Ахъ, что я сдѣлала!..“—съ тоскою
Взываютъ горькія уста...

1912 г.

•▸ ◂•

СВѢЖІЙ СНѢГЪ

Свѣже-выпавшій, пушистый,
  Яркій, яркій снѣгъ!..
Всюду—чистый, всюду—чистый,
  Яркій, яркій снѣгъ!..

Неогляденъ, ненагляденъ
  Звѣздчатый коверъ...
И сіяетъ, и играетъ
  Звѣздчатый коверъ...

Алый, синій, блещетъ иней...
  Свѣтлорогій серпъ...
Высь блѣднѣе—серпъ смѣлѣе,
  Свѣтлорогій серпъ...

Колокольчикъ еле стонетъ...
  Вольный, вольный бѣгъ!..
Колокольчикъ въ полѣ тонетъ...
  Вольный, вольный бѣгъ!..

Даль прозрачная... Свободный
Одинокій путь...
Брилліантовый, холодный
Одинокій путь...

10 ноября 1912 г.

ЗИМНЯЯ НОЧЬ

Вьюга стонетъ, вьюга плачетъ...
Грохотъ... словно кто-то скачетъ,—
Ближе, ближе... вотъ

Распахнутся разомъ двери—
И ворвутся диво-звѣри,
Гномы, котъ, уродъ!..

Вьюга плачетъ, вьюга стонетъ...
Словно грѣшныхъ дьяволъ гонитъ
По полю нагихъ

И бичемъ ихъ яро хлещетъ,
А кругомъ ватага плещетъ
Бѣсенятъ лихихъ...

Вдругъ умолкнулъ шумъ великій,
Стихнулъ плачъ и хохотъ дикій...
Что за тишина?

Выхожу... Просторъ сверкаетъ...
Въ вышинѣ луна сіяетъ.
Даль тиха, ровна...

Все свѣтло, все безмятежно,
Непорочно, бѣлоснѣжно...
Горній путь блеститъ.

Огоньки на пнѣ играютъ...
Псы далече звонко лаютъ...
Степь глубоко спитъ.

Ноябрь 1912 г.

ПРИХОДЪ

Снѣжная вьюга шумитъ за окномъ,
За сугробомъ сугробъ наметаетъ...
Скучно! Пустыненъ, печаленъ мой домъ,—
Благо—яркое пламя пылаетъ...

Вьется огонь—алый, алый, какъ макъ...
Безотрадныя тянутся думы...
Читать ли, писать ли, иль попусту такъ
Тоскѣ отдаваться угрюмой?..

Вотъ стукнула дверь!.. Кто же, кто же ко мнѣ?..
О, возможно ли... ты, дорогая?..
Въ серебрѣ воротникъ, въ снѣжныхъ звѣздахъ,
въ огнѣ...
Не Зима ли—Краса ледяная?

На щекахъ розы пышутъ такъ ярко, свѣжо!
Руки влажныя мнѣ протянула:
„На—скорѣй обогрѣй хорошо, хорошо!“
Обняла и въ лицо заглянула:

О тебѣ ли я думалъ? Ахъ, о комъ же, о комъ?
Сердце, знай, о тебѣ лишь вздыхаетъ!..
Снѣжная вьюга шумитъ за окномъ...
Пусть ее свищетъ, гудитъ и рыдаетъ!..

Декабрь 1912 г.

О, ЕСЛИ БЪ...

Изъ Байрона

(Варіантъ перевода)

О, если бъ тамъ, въ странѣ далекой, неизвѣстной,
Любовь земная утѣшала насъ!..
О, если бы сіялъ и тамъ, равно прелестный,
Тотъ ликъ, и свѣтъ очей тѣхъ не угасъ!..

Тогда блаженны были бъ сферы эти;
Легко отъ міра было бы летѣть,
Чтобъ муки погасить въ небесномъ свѣтѣ...
Тогда отрадно было бъ умереть.

Не попусту—не за себя дрожимъ
Мы передъ смертью, бездны убѣгая
И къ цѣпи рвущейся съ тоскою припадая!..

О, если бъ сердцу слиться тамъ съ другимъ,
Чтобъ вмѣстѣ съ нимъ вкушать восторгъ тотъ вѣчный!..
О, если бъ вмѣстѣ быть въ той жизни безконечной!..

1912 г.

ПРОЩАЙ!

Изъ Байрона

Прощай!—и если небо такъ судило—
Навѣкъ прощай! Хоть сердце не простило,
Но не возстанетъ на тебя...

Когда бъ та вскрылась грудь передъ тобою,
Къ которой безпечальною главою
Склонялась ты, любя,

Когда бъ могла ты въ ней прочесть глубоко,
О, не была бъ тобою такъ жестоко
Вина наказана моя!

Я полнъ пороковъ!.. Золъ и гордъ къ тому жъ я!..
Но, ахъ, ужель судьба найти оружья
Иного не могла,

Чѣмъ та рука, которую лобзалъ я?
Зачѣмъ же та, которой лишь дышалъ я,
Ударъ мнѣ смертный нанесла?..

Не утѣшай себя, однако, ложно!
Любовь не вдругъ уходитъ. Невозможно
Расторгнуть вмигъ сердца:

Твое трепещетъ тою же любовью,—
Какъ и мое, оно исходитъ кровью—
И такъ же страждетъ безъ конца...

Вопль—рѣчь моя, унылый, похоронный!
Мы будемъ жить, но жизнью сокрушенной,
Увядшей—ты и я!

Забвенья не ищи: его не будетъ!
Отца ль названье повторять забудетъ
Она, она—мое дитя?

И въ мигъ молитвенный, какъ съ нею станешь,
Главу склоня, ужели не помянешь
Его—въ тотъ мигъ хотя?

Случится, можетъ, въ ней черты увидѣть
Того, кого должна ты ненавидѣть,
И сердце горестно замретъ...

Лишь знала ты одна мои пороки,
Мое безумье, мракъ и пылъ высокій...
Все за тобой уйдетъ!..

Надломленъ духъ! Духъ гордый, вольный, вѣчный—
У ногъ твоихъ съ тоскою безконечной—
Онъ самъ себя не узнаетъ!

Свершилось все. Конецъ. Слова напрасны...
Но мысль горитъ—надъ мыслью мы не властны—
Ей молча ли горѣть?..

Прощай!.. Тебя, всего съ тобой лишенный,—
Отверженный, поверженный, сраженный—
Могу ль я больше умереть?..

Декабрь 1912 г.

ЖИЗНЬ

Жизнь—холмъ... Пестръ, лучезаренъ склонъ,
Извилистъ путь и труденъ,
И омраченъ туманомъ онъ—
Вначалѣ свѣтелъ, чуденъ...

И мы ползёмъ по крутизнамъ
На верхъ, изнемогая,
И ждемъ, что̀ тамъ предстанетъ намъ—
Страна чудесъ какая?..

Но въ высотѣ—туманъ пустой...
Мы плачемъ и вздыхаемъ—
И вспять глядимъ: тамъ—золотой
Тотъ долъ, неузнаваемъ...
Но мы въ туманъ идемъ густой—
И въ бездну упадаемъ...

29 ноября 1912 г.

ОСТРОВЪ

(Посвящ. В. О. К—ской)

Несется корабль нашъ отважный...
  Стоитъ капитанъ у руля.
Гулъ моря сердитый, протяжный...
  . Но скоро, но вотъ ужъ земля!..

Матросы! За стонами бури—
  Прислушайтесь—ровный прибой!..
Взгляните: спокойной лазури
  Блеститъ намъ привѣтъ голубой!

Смѣлѣе, товарищи! Вскорѣ
  Взойдетъ надъ пучиной утесъ...
Съ нимъ тщетно сражается море...
  Онъ голову гордо вознесъ...

То—островъ красы несказанной,
  Чудесъ несказанныхъ страна!..
Тамъ отдыхъ найдемъ мы желанный,
  Тамъ—вѣчный восторгъ и весна!..

Но море, друзья, тамъ грознѣе,
  Но Страхъ тамъ у входа стоитъ...
Чѣмъ ближе—тѣмъ гибель вѣрнѣе,
  Дорога надъ смертью скользитъ.

Чу! звукъ долетаетъ къ намъ пѣсни!
  Напѣвъ сладкозвучный растетъ...
Чѣмъ ближе—отраднѣй, чудеснѣй
  Тотъ голосъ о счастьѣ поетъ...

Но море, друзья, тамъ грознѣе,
  Но Ужасъ кругомъ сторожитъ...
Чѣмъ ближе—тѣмъ гибель вѣрнѣе,
  Дорога надъ смертью лежитъ.

Матросы! Мечтѣ не опасны
  Ни бурныя волны, ни мгла...
Матросы! На островъ прекрасный!
  Погибнемъ—прибьются тѣла...

Ноябрь 1912 г.

ВОДОПАДЪ

(Подражаніе Байрону)

Шумитъ, свергаясь, водопадъ!..
Безостановочный, хрустальный, звѣздный
Отвѣсъ мелькающій... Внизу—хаосъ и адъ!..
А наверху, надъ бѣшеною бездной,
Недвижимая радуга стоитъ:
Какъ бы Любовь, въ спокойствіи высокомъ,
Невозмутимымъ окомъ
На вѣчное безуміе глядитъ.

9 декабря 1912 г.

ГОРЫ

(Посвящ. М. Л. Бинштоку)

Серебряныя горы
Съ каймою золотой!..
О, сходныя съ мечтой!..
За вашей красотой
Слѣдятъ нѣмые взоры!..

Стою ль среди долины,
Гдѣ пестрый шумъ и гамъ,
Гдѣ люди, виллы, храмъ...
Взоръ улетаетъ къ вамъ,
Воздушныя вершины!..

Вотъ на покой отрадный
Бредутъ, звеня, стада!..
Ужъ скрыта мглой гряда...
Но смотришь все туда—
Въ туманъ вашъ непроглядный!..

А въ часъ спокойный утра,
Лишь брызнетъ первый лучъ
Сквозь бѣлоснѣжныхъ тучъ, —
Чтó лучше свѣтлыхъ кручъ —
Отлива перламутра?..

6 января 1913 г.

АПРѢЛЬ

Впервые сегодня врывается въ комнату стукъ колеса...
Взоромъ глубокимъ, прекраснымъ глядятъ небеса...

Роскошная тучка ползетъ потихоньку—свѣтла и пышна...
Птицы щебечутъ привольно... Весна, ахъ, весна!..

На улицѣ кленовъ прозрачные клейкіе листья блестятъ.
Сладкій весенній уже уловимъ ароматъ...

Крестовъ, куполовъ надъ соборомъ горитъ золотая семья.
Шумъ пробужденья восторженный... Рвенье ручья...

Вотъ яркое солнце затмилось внезапно!.. Померкло кругомъ...
Сдержанный грохотъ... спокойно-торжественный громъ!

28 января 1913 г.

Оглавленіе

ОГЛАВЛЕНІЕ

Оригинальныя стихотворенія

	стр.
Весною .	3
Къ морю	4
«Не разъ, когда среди людей» .	6
Пѣснь соловья .	8
Къ * * * . . .	10
У моря (Стансы) .	11
«Головку опустивши». . . .	13
«Моя отчизна, край суровый» .	14
«Мнѣ снилось что-то, полное печали»	15
Завѣщаніе. . . .	16
«Я вышелъ къ морю»	18
Гроза лѣтомъ	20
Зима. . .	21
Предвесеннее .	22
Весна.	24
Въ полдень въ лѣсу .	26
Одуванчикъ	27
«За ночь все утихло, все угомонилось»	28
«Я не люблю луны»	30
Ночь въ Іюлѣ	31
«День встаетъ» .	32

стр.
«Когда суровъ не въ мѣру жизни гнетъ». 33
На улицѣ 34
«Въ небесахъ темь и страхъ» 35
Въ Іюлѣ 38
«На полянѣ лѣсной» . . . 40
«Вчера не спалось долго мнѣ» . 42
Звѣзды 43
«Я иду въ серебряномъ туманѣ» 44
Телеграфный столбъ въ полѣ 45
Молитва Господня 46
Опытъ окончанія «Русалки» Пушкина 47

Переводы

Байронъ
Еврейскія мелодіи:
О, если! . 57
«Ты плакала» . 58
Саулъ 59
Видѣніе Вальтасара. 61
Изъ Іова . . 63
Изъ «Чайльдъ-Гарольда»:
Прощальная пѣснь Чайльдъ-Гарольда . 67
Къ Парнасу. . 71
Къ Наполеону 73
«Любовь, любовь, ты гостья на землѣ» 78
Умирающій гладіаторъ. . 80
Леманъ (Вольный переводъ). 81
Къ морю (Вольный переводъ) . 84
«Есть въ дикомъ лѣсѣ наслажденье» . 87
Стансы. «О, если бы любовь рѣкой струилась вѣчной» . 88
Мицкевичъ
Крымскіе сонеты:
Акерманскія степи 95
Буря. 96
Видъ горъ изъ степей Козлова 97
Бахчисарай ночью . 98

стр.
Алушта днемъ. . 99
Гробница Потоцкой. 100
Чатырдахъ . . 101
Гора Кикинеисъ . 102

Къ уединенію (Вольный переводъ) 103
Къ... (На Альпахъ, въ Сплюгенѣ) 104
Съ добрымъ утромъ! . . 106
«Какъ въ морѣ двѣ ладьи» . 108
Въ альбомъ 109
Воспоминаніе (Сонетъ). . . . 110
Къ Д... Д... (Вольный переводъ) . 111
«Когда лишь трупъ одинъ». 112
Въ альбомъ Луизѣ Мацкевичъ 113
«Распустившись цвѣтомъ нѣжнымъ» 114
«Надъ водою глубокой и свѣтлой» . 116
«Льются слезы» . . 117
Верховный Художникъ. 118
Видѣніе (Отрывокъ). 120

Словацкій

Гимнъ къ заходу солнца на морѣ 123
То же (Варіантъ перевода) . . 126
Въ разлукѣ (Вольный переводъ) . . . 129
Сонетъ. «Кто возвратитъ покой душѣ моей?» 131
Сонетъ. «Ужъ надъ землей полночный сонъ царитъ» 132
Путешествіе къ пирамидамъ (Отрывокъ) . . . 133
Изъ письма къ книготорговцу (Вольный переводъ) 137

Изъ Петрарки

Сонетъ. «Поютъ ли хоры птицъ» 141

Изъ Гейне

«Ты вся въ драгоцѣнныхъ каменьяхъ» 145

Изъ Анны Виванти

Кто знаетъ? 149

Изъ Шевченко

«На солнце тучка набѣгаетъ» . 153

стр.
Вечеръ 154
«Все небо тучи облегли» . 155

Съ арабскаго

Передъ могилою Азизы 159
Пловецъ . . 160
«Когда умру» 161

Японскія миніатюры

«Ночью свѣтлою къ морю» . 165
«Пепельный стелется сумракъ» 166
«Далекò отъ тебя я взираю на небо» 167
«Въ долины свѣжія» . 168
«Пока землей не скрыта я могильной» 169

Изъ Бодлэра

Собака и флаконъ съ духами . 173

Горацій

Къ Музѣ. «Воздвигъ я памятникъ»... (Кн. 3, ода 30) 177
То же (Варіантъ перевода) . 179
Къ Мельпоменѣ (Кн. 4, од. 3) . 181
Къ Виргилію (Кн. 1, од. 24). . 183
Къ самому себѣ (Кн. 1, од. 34) 185
Къ друзьямъ (Кн. 1, од. 37). 186
Къ Септимію (Кн. 2, од. 6) . . 188
Къ Помпею Вару (Кн. 2, од. 7) . . 190
Къ Гирпинію Квинцію (Кн. 2, од. 11) 192
Къ дереву (Кн. 2, од. 13). . 194
Къ Меценату (Кн. 2, од. 20) . . 196
Къ хору дѣвъ и юношей (Кн. 3, од. 1) 198
Къ Астеріи (Кн. 3, од. 7). . . . 201
Къ ключу Бандузія (Кн. 3, од. 13) 203
Къ Хлорѣ (Кн. 3, од. 15). 204
Къ Телефу (Кн. 3, од. 19) 205
Къ амфорѣ (Кн. 3, од. 21) 207
Къ Вакху (Кн. 3, од. 25) . 209
Къ Галатеѣ (Кн. 3, од. 27) . 211
Къ Лидіи (Кн. 3, од. 28) . . 215
Къ Меценату (Кн. 3, од. 29). 217

СТР.
Къ Антонію (Кн. 4, од. 2) . 220
Къ Манлію Торквату (Кн. 4, од. 7) . 223
Къ Филиссѣ (Кн. 4, од. 11) . 225
Къ Виргилію (Кн. 4, од. 12). 228

Добавленія

Фету . . . 233
Мефистофель . . . 235
«Онъ былъ цвѣтущая весна» 237
Свѣжій снѣгъ 239
Зимняя ночь . 241
Приходъ. 243
О, еслибъ! (Изъ Байрона) . 245
Прощай! (Изъ Байрона). 246
Жизнь . 249
Островъ. 250
Водопадъ 252
Горы. 253
Апрѣль . 255

